В/29244.

А 317/745.

фиб
Вот-17
1680

Прот. І. И. Соловьевъ.

ЗАВѢТНЫЯ ДУМЫ

СЛУЖИТЕЛЯ ЦЕРКВИ

ВЪ ВИДУ ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЫ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу; ибо въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно (Посл. св. ап. Павла къ Колосс. 2, 8—9).

Кто не имѣетъ матерію Церкви, не можетъ имѣть и Бога Отцомъ (Св. Кипріанъ Карѳ., „О единствѣ Церкви Христовой").

Воспитывайте дѣтей не внѣ Церкви и не рядомъ съ нею, но въ самой Церкви и вмѣстѣ съ нею. *(В. Г.)*

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1902.

Печатать дозволяется. Москва, 3 октября 1902 г.
Цензоръ протоіерей *Николай Благоразумовъ*.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
81388-50

2011120103

Когда только-что заговорили о возстановленіи церковно-приходскихъ школъ для народа, нѣкоторые изъ сторонниковъ раціоналистическаго либерализма скептически говорили: „уже не хотятъ ли воротить домостроевскіе идеалы, забывая, что исторія идетъ впередъ, а не назадъ“. Но говорили, какъ оказалось, напрасно. Духовенство съ примѣрнымъ усердіемъ откликнулось на царскій призывъ къ участію въ дѣлѣ народнаго образованія въ духѣ православной вѣры по исконно-русскимъ завѣтамъ, и вотъ прошло 18 лѣтъ со дня обнародованія перваго положенія о церковно-приходскихъ школахъ, какъ школъ этихъ насчитывается уже свыше 40.000 съ полтора милліонами учащихся въ нихъ.

Сынъ и Наслѣдникъ великаго Царя, призвавшаго къ жизни церковно-приходскія школы, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, еще въ самомъ началѣ Своего царствованія, въ октябрѣ 1894 года, когда тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, гр. И. Д. Деляновъ удостоился принести Его Величеству привѣтствіе и выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ отъ лица всего своего вѣдомства, изволилъ сказать: *Передайте дѣтямъ и юношамъ Мое сердечное пожеланіе, чтобы величавый образъ великаго душою Монарха служилъ имъ руководящимъ свѣточемъ въ нравственномъ усовершенствованіи.* Смыслъ этого перваго царскаго слова о задачахъ и характерѣ народнаго просвѣщенія ясенъ; но ясно также и то, что указанныя въ немъ нравственно-воспитательныя задачи образованія, какъ понималъ ихъ „великій душою Монархъ“, какъ pia desideria молодого Царя относились не столько къ воспитанникамъ низшихъ народныхъ училищъ, гдѣ эти православно-русскія воззрѣнія Императора Александра III уже нашли свое выраженіе въ школахъ церковно-приходскихъ, сколько къ школамъ среднимъ и высшимъ, къ реформѣ которыхъ поэтому и приступлено было по-

томъ. Когда въ прошедшемъ году комиссіей по вопросу о преобразованіи средне-учебныхъ заведеній были представлены на благоусмотрѣніе Государя Императора выработанные ею планы преобразованія, Его Величеству благоугодно было начертать: *Надѣюсь, что на религіозно-нравственное воспитаніе обращено будетъ особенное вниманіе.* А нынѣ, ровно черезъ годъ послѣ этой резолюціи, въ Своемъ рескриптѣ вновь назначенному г. министру народнаго просвѣщенія Государь снова повторяетъ то же слово о нравственно-воспитательномъ значеніи образованія въ средней и высшей школахъ. Неужели и это — уже третье по счету, ясное, какъ день, по своему смыслу и твердое, какъ законъ, по своей формѣ царское слово о необходимости вернуть наше среднее и высшее образованіе на истинно-русскій путь вѣры и Церкви — не станетъ такимъ же могучимъ и дѣйственнымъ, какимъ оказалось слово Его великаго душою родителя о школахъ народныхъ? Неужели и теперь преобразованіе среднихъ и высшихъ школъ въ указанномъ Государемъ отношеніи не станетъ кореннымъ переустройствомъ ихъ, а будетъ какой-либо внѣшней, ничего не значащей поправкой? О, да не будетъ сего!...

Поставивъ задачею своего журнала отвѣчать на запросы религіозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе раціонализму и невѣрію, мы съ самаго начала открыли страницы его для обсужденія вопроса о воспитаніи и образованіи нашего юношества въ духѣ православной вѣры и Церкви и въ одной изъ первыхъ же книжекъ журнала (въ статьѣ: „Церковь и школа“) говорили о тѣхъ отклоненіяхъ средней и высшей свѣтскихъ школъ отъ духовно-просвѣтительнаго и благодатнаго воздѣйствія на нихъ со стороны православной Церкви, какія со временъ Петра Великаго проникли въ нихъ съ Запада и въ послѣднее время дошли до крайнихъ предѣловъ, и о необходимости позаботиться объ устраненіи этихъ отклоненій. Эти же мысли въ частностяхъ и подробностяхъ, съ разныхъ сторонъ и разными способами много разъ раскрываемы и развиваемы были и послѣ въ статьяхъ нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ — оо. Гобчанскаго, Никанорова, Побѣдинскаго, Страхова, проф. Зографа, г. Румянцева и мн. другихъ; въ большинствѣ случаевъ, статьи эти прежде печатанія ихъ были прочитываемы и обсуждаемы въ собраніяхъ „Отдѣленія педагогическаго общества при Московскомъ университетѣ по вопросамъ религіозно-нравственнаго образованія“. Объ этомъ же нравственно-воспитательномъ значеніи и характерѣ средняго образованія и необходимости вести его не только въ духѣ православной вѣры, а и въ полномъ и внутреннемъ единеніи съ уставами и завѣтами Церкви, подъ ея благодатнымъ покровомъ, говорили мы и раньше изданія журнала и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (напр. въ статьѣ: „О классическомъ образованіи и христіанскомъ воспитаніи“, 1891 г., 1—2 октября), и въ ежегодно издаваемыхъ календаряхъ лицея Цесаревича Николая (см., напр., традиціи лицея объ единеніи школы съ Церковію, изъ исторіи церковно-греческаго языка въ Россіи и нѣкоторыя поученія).

Послѣ всего этого сказаннаго нами и у насъ сказать по этому вопросу что-либо существенно новое мы не сумѣемъ; тѣмъ не менѣе, крѣпко увѣренные, что теперь именно говорить объ этомъ насущномъ вопросѣ безъ утайки и смущенія есть не только право каждаго, кому дорого дѣтское счастье, а и долгъ совѣсти, мы снова рѣшаемся говорить, хотя бы то же, что̀ говорили и прежде.

I.

Прежде всего мы думаемъ, что жестоко ошибаются тѣ, которые существо предстоящей реформы средней школы полагаютъ въ уничтоженіи того раздвоенія, какое существуетъ въ ней въ настоящее время, и потому главнымъ предметомъ обсужденія ставятъ вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ и значеніи классическаго и реальнаго образованія. Крѣпко стоя за необходимость строго-классическаго образованія въ средней школѣ, понимаемой въ смыслѣ подготовительной къ усвоенію университетской науки[1]), мы не отрицаемъ значенія и за школой реальной для ищущихъ высшаго техническаго образованія и согласны допустить, что „въ данную минуту въ силу соціальныхъ и экономическихъ условій Россія въ реальномъ, техническомъ образованіи нуждается не менѣе, чѣмъ въ классическомъ“[2]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы думаемъ, что предстоящая реформа средняго образованія въ Россіи должна состоять не въ созданіи единой школы — классической ли, или реальной, а въ упорядоченіи и благоустроеніи той и другой. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, въ чемъ должно состоять это благоустроеніе того и другого образованія.

---

[1]) Всестороннее раскрытіе и обоснованіе этой мысли желающіе могутъ читать въ изданной С. Н. Фишеръ книжкѣ: *М. Н. Катковъ, Наша учебная реформа,* гдѣ собрано все сказанное имъ по этому вопросу въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ съ 1864 по 1871 г. Много существенно важнаго и основательнаго о значеніи классицизма можно найти въ статьяхъ гр. П. А. Каниста, Вл. А. Грингмута, С. А. Рачинскаго, А. И. Георгіевскаго, Дроздова и др.

[2]) Ср. „Русскій Вѣстникъ“, 1902 г., іюнь, стр. 540—541.

Непреложная истина, что оба эти рода образованія существенно до невозможности ихъ смѣшенія различны между собою, какъ такъ же существенно различны между собой и обнимаемыя тѣмъ и другимъ области вѣдѣнія, міръ видимый — матеріальный и невидимый — духовный, опытъ внѣшній и внутренній. Какъ бы ни усиливались представители и сторонники позитивизма свести всѣ явленія духовной жизни человѣка къ области матеріи и силы, въ результатѣ всего окажется, что обѣ эти области, какъ и обнимающія ихъ гуманитарныя и реальныя науки, никогда не могутъ слиться между собой, но такъ же, какъ двѣ совершенно параллельныя линіи, не могутъ и не должны и расходиться; оба названные рода образованія, какъ и обнимаемыя ими области вѣдѣнія, идя каждое своею дорогою, должны быть въ гармоническомъ единеніи между собою, оба вести своихъ питомцевъ къ одной и той же конечной цѣли.

Въ разсужденіи же этой конечной цѣли достойно вниманія самое слово *образованіе*. Безобразнымъ мы называемъ то явленіе или тотъ предметъ, части котораго развиты несоотвѣтственно назначенію и значенію каждой изъ нихъ и не согласованы между собою. Это опредѣленіе имѣетъ отношеніе и къ образованію человѣка. Конечно весьма важно правило древнихъ, чтобы въ здоровомъ тѣлѣ былъ здоровый духъ; но тѣмъ не менѣе безобразнымъ мы назовемъ не человѣка немощнаго тѣломъ и великаго духомъ, а наоборотъ, здороваго тѣломъ и убогаго духомъ; это отъ того, что душа человѣка безмѣрно выше его тѣла. *Кая польза человѣку*, сказалъ Господь, *аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ* (Мѳ. 16, 16). Слѣдовательно, и образованіе человѣка должно состоять въ развитіи духа и тѣла не равномѣрномъ, а соотвѣтственномъ значенію того и другого — и потому грустное явленіе должны представлять собою школы, гдѣ *особенное* вниманіе обращается на физическое развитіе дѣтей. Духовное, а не физическое развитіе дѣтей должно быть конечной цѣлію — предметомъ особеннаго вниманія всякой школы не только строго классической, а и исключительно реальной, техническо̂й въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, какъ прямо и рѣшительно сказано это въ одномъ изъ послѣднихъ циркуляровъ г. министра о самомъ физическомъ развитіи дѣтей.

Для того же, чтобы уяснить себѣ сущность и значеніе духовнаго развитія человѣка, нужно помнить, что человѣкъ созданъ по образу Божію, который въ душѣ его. Богъ единъ по существу, но троиченъ въ лицахъ. Отецъ, не рождающійся и не исходящій, Сынъ, вѣчно рождающійся отъ Отца, и Св. Духъ, вѣчно отъ Него исходящій; будучи

различны въ этихъ личныхъ Своихъ свойствахъ, и въ соотвѣтствіи съ ними въ личныхъ Своихъ дѣйствіяхъ, всѣ Они въ равной и безконечной мѣрѣ обладаютъ божескими свойствами и дѣйствіями; обаче не три Бога, но единъ Богъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ первообразомъ нашимъ — Богомъ долженъ быть и образъ Его — наша душа. Едина по существу, она тройственна въ своихъ силахъ и дѣйствіяхъ; умъ, сердце и воля, различаясь между собою до невозможности ихъ смѣшенія и взаимной замѣны, въ равной мѣрѣ должны проявлять собою душевную жизнь, и каждая изъ этихъ силъ, въ своей дѣятельности являясь съ свойственными ей особенностями, живетъ и дѣйствуетъ не въ разобщеніи съ другими силами, но нераздѣльно и неразлучно съ ними, въ постоянномъ внутреннемъ взаимообщеніи, такъ или иначе обусловливая ихъ собою и сама обусловливаясь ими. Но образъ никогда не можетъ быть тождественнымъ съ своимъ первообразомъ и, будучи по своему существу его отображеніемъ, можетъ лишь напоминать его, уподобляться ему и въ этомъ уподобленіи можетъ все болѣе и болѣе приближаться къ нему, какъ своему идеалу, или безконечному совершенству. Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ совершенъ есть, — вотъ идеалъ духовной жизни человѣка, указанный намъ Самимъ Спасителемъ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ (Мѳ. 5, 48); поэтому-то святыхъ Божіихъ, смыслъ жизни которыхъ и состоялъ въ постоянномъ богоуподобленіи, мы и именуемъ преподобными[1]).

---

[1]) Знаменательно въ этомъ отношеніи то, что св. бытописатель, сказавъ о предвѣчномъ Совѣтѣ Божіемъ создать человѣка по образу и подобію Своему, о самомъ сотвореніи замѣчаетъ, что оно было лишь по образу Его. Подобія не дано было сотворенному человѣку; его онъ долженъ, слѣдов., пріобрѣтать себѣ самъ, самъ долженъ развивать свою душу, какъ образъ Божій, въ ея богоуподобленіи. Получивъ отъ Бога разумъ, какъ стремленіе къ истинѣ и способность усвоять ее, человѣкъ долженъ самъ въ удовлетвореніе этого стремленія пріобрѣтать знаніе и постигать истину, для чего Богъ привелъ къ Адаму всѣхъ животныхъ, да наречетъ имъ имена, и результатомъ этого изученія природы было познаніе человѣкомъ самого себя. Уже въ этомъ первомъ, такъ сказать, педагогическомъ дѣйствіи по отношенію къ человѣку со стороны Самого Творца мы не можемъ не замѣтить согласованія дѣятельности умственныхъ силъ человѣка съ упражненіемъ и воли его въ подчиненіи волѣ Божіей; для того же, чтобы показать, что это упражненіе воли въ подчиненіи волѣ Божіей имѣетъ значеніе и само по себѣ и такъ же существенно важно, какъ и развитіе ума, Богу благоугодно было дать нарочитую заповѣдь о невкушеніи плодовъ съ древа познанія добра и зла. Оправданная въ своемъ согласіи съ разумомъ опытомъ жизни, заповѣдь эта въ своемъ непосредственномъ и прямомъ смыслѣ имѣла отношеніе именно къ волѣ человѣка, какъ предметъ для упражненія ея именно

Въ силу неразрывной внутренней связи основныхъ душевныхъ силъ человѣка, искусственное и усиленное развитіе одной изъ нихъ съ небреженіемъ о другихъ не ведетъ необходимо къ подавленію дѣятельности или прекращенію жизни этихъ послѣднихъ, а лишь къ тому, что онѣ, какъ имѣющія независимое отъ первыхъ существованіе, самостоятельное значеніе и характеръ, развиваются, можетъ-быть, не такъ усиленно, какъ тѣ, но непремѣнно всегда и разумѣется въ нежелательномъ направленіи. При искусственномъ же и усиленномъ развитіи однѣхъ лишь умственныхъ силъ безъ соотвѣтствующаго ему по своимъ качествамъ развитія воли и сердца происходитъ даже нѣчто большее, именно самое это развитіе ума становится въ своемъ характерѣ и направленіи въ зависимость отъ развитія воли и сердца. Дѣло въ томъ, что разумъ, или познавательная сила нашей души не мыслимъ безъ свободы, которая есть способность души не только сознавать совершающіеся въ ней умственные процессы собственнымъ достояніемъ, а и управлять ими и направлять ихъ сообразно съ влеченіями и привязанностями сердца: сердце, по ученію слова Божія, есть исходное начало и всей вообще душевной жизни человѣка. *Изъ сердца*, говоритъ Господь, *исходятъ злые помыслы, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, кражи, лжесвидѣтельство, хуленія* (Мѳ. 15, 19); и въ другой разъ: *гдѣ сокровище*

въ соотвѣтственномъ ей назначеніи. Въ этомъ взаимообщеніи дѣятельности разума и воли и была жизнь; и эта жизнь была такъ добра зѣло — прекрасна и сама по себѣ и по своему воздѣйствію на сердце человѣка постольку и дотолѣ, поскольку и доколѣ она въ томъ и другомъ отношеніи была въ согласованіи съ Богомъ — Его премудрою волею. Въ этомъ развитіи своихъ силъ въ направленіи, согласномъ съ мыслями и волею Божіею, человѣкъ выражалъ любовь свою къ Богу — стремленіе этимъ путемъ вступить въ общеніе съ Богомъ, — въ общеніе жизни Его, въ чемъ собственно и должно состоять духовное блаженство человѣка. И вслѣдъ за этимъ-то духовнымъ блаженствомъ, какъ плодъ гармоническаго развитія духовной жизни, должно было настать, и дѣйствительно настало и внѣшнее, если угодно, блаженство, состоявшее въ безболѣзненной и потому безсмертной тѣлесной жизни и владычествѣ надъ природой. Но вотъ человѣкъ вольною своею волею палъ, и вслѣдъ за паденіемъ настало лишеніе этого блаженства, какъ естественный результатъ разстройства первобытной гармоніи духовной жизни. Паденіе это состояло въ нарушеніи заповѣди Божіей, въ преслушаніи и своеволіи; но, будучи важнымъ актомъ душевной жизни человѣка, оно вмѣстѣ съ тѣмъ было и сознательнымъ отвращеніемъ сердца человѣческаго отъ любви къ Богу, источнику жизни.—Глубоко поучительно въ этомъ отношеніи было бы сдѣлать психологическій анализъ библейскаго повѣствованія о грѣхопаденіи прародителей; но это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи указать психологическія основы духовнаго развитія человѣка, которому должно служить образованіе.

ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. Свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто, то и все тѣло твое будетъ свѣтло; если око твое будетъ худо, то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то какова же тьма? (Мѳ. 6, 21—23). Эти слова Господа съ непререкаемой несомнѣнностію говорятъ о томъ, какъ много зла въ жизни человѣческой происходитъ отъ испорченнаго сердца, когда, лукаво извращая положеніе дѣла, человѣкъ сокровищемъ сердца своего имѣетъ не Бога, а себя самого. Такое измѣненіе, такъ сказать, центра душевной жизни неизбѣжно влечетъ за собою перемѣну и въ направленіи воли и въ образѣ мыслей. Самолюбіе въ самыхъ разнообразныхъ и потаенныхъ изгибахъ его неразлучно съ самомнѣніемъ, а отсюда само собою неизбѣжно и своеволіе. Какъ свѣтъ не производитъ жизни безъ тепла, такъ и знаніе, какъ бы велико и даже истинно оно ни было, если оно не сопровождается любовію сердца, не приводитъ человѣка къ совершенству. *Разумъ*, какъ говоритъ апостолъ, *кичитъ, и лишь любовь созидаетъ* (1 Кор. 8, 1). Безъ любви онъ, какъ свѣтъ безъ тепла, чѣмъ ярче свѣтитъ, тѣмъ больше мертвитъ, и вотъ результатомъ всего является злая истина... Вѣдь въ томъ и сила дьявольскаго зла, что оно очень умно, что на него — на его развитіе употреблены всѣ силы ума и воли, и кто же не знаетъ, что зло тѣмъ злѣе, чѣмъ оно умнѣе! Кто же не знаетъ, какъ злое сердце въ пользу зла употребляетъ самыя святыя истины!... И что̀ иное означаетъ собою сверхчеловѣкъ Ницше, какъ не олицетвореніе этого именно представителя злой истины, все разрушающей, все отрицающей, все сокрушающей? И Боже, какой страшный конецъ этого сумасшедшаго!...

Таковы психологическія основы духовнаго развитія человѣка, по ученію Библіи. Какъ ни кратко изложено нами это ученіе, его — этого изложенія вполнѣ достаточно, думаемъ, чтобы видѣть самый, такъ сказать, корень существенныхъ недочетовъ современнаго образованія и вмѣстѣ тотъ путь, по которому должно итти къ ихъ устраненію.

Основнымъ недостаткомъ современнаго образованія должно считать то, что подъ образованіемъ разумѣютъ развитіе однѣхъ лишь умственныхъ силъ человѣка и обогащеніе ихъ всевозможными знаніями, безъ всякой мысли о соотвѣтствующемъ этому развитіи сердца и воли человѣка. Съ замѣчательною мѣткостію это именно, какъ существенное зло нашей средней и высшей школы, и выяснено въ Высочайшемъ рескриптѣ Государя Императора на имя упра-

вляющаго министерствомъ просвѣщенія „Прежде всего подтверждаю“, говоритъ Государь Императоръ, „Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялось и воспитаніе его въ духѣ вѣры и преданности престолу и отечеству и уваженія къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи пріучать ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними лишь курсовыми познаніями, не сродненный религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и съ уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго человѣка своеволіе и самомнѣніе“.

Такимъ образомъ, по прямому смыслу приведенныхъ нами словъ Государя, образованіе должно состоять не въ обученіи только, а прежде всего въ воспитаніи въ духѣ вѣры Христовой, исповѣдуемой, разумѣется, православною Церковію, и въ согласованіи съ нимъ самаго обученія. Но въ этихъ словахъ, жизненная истинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, указана лишь, такъ сказать, сущность этой реформы, въ ея основныхъ принципіальныхъ чертахъ, намѣченъ лишь путь, по которому должна итти она, но не раскрыто въ частностяхъ и подробностяхъ самое веденіе этого дѣла. Въ разъясненіи этихъ подробностей реформы, въ приложеніи указанныхъ началъ ея къ отдѣльнымъ сторонамъ этого великаго дѣла и должна состоять работа всѣхъ ревнителей и дѣятелей истиннаго просвѣщенія.

Для противодѣйствія отмѣченнымъ неурядицамъ современнаго образованія въ Высочайшемъ рескриптѣ указана существенно важною забота объ устройствѣ общежитій и пансіоновъ не только при среднихъ, а и при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и съ этимъ нельзя, конечно, не согласиться; ибо при такой только постановкѣ дѣла вполнѣ возможно удобно освободить учащееся юношество отъ тѣхъ тлетворныхъ въ духовно-нравственномъ отношеніи вліяній, которымъ наши дѣти такъ легко подпадаютъ внѣ школы. Въ Англіи, гдѣ воспитательное дѣло строго и прочно организовано, устройство коледжей считается необходимымъ условіемъ школы даже высшей, и всѣ учащіеся обязательно живутъ въ интернатахъ, строго соблюдая установленный порядокъ жизни, и изъяты отъ всякаго участія въ общественной жизни. Достойно вниманія въ этомъ отношеніи то, что въ старое время духовныя школы устроялись не въ городахъ, какъ центрахъ общественной жизни, а вдали отъ нихъ, въ тишинѣ монастырскаго уединенія. Замѣтимъ, что въ этомъ случаѣ руководители старой духовной школы имѣли въ виду уроки и древняго

греческаго міра: извѣстно, что древне-греческія гимназіи обычно устроялись за городомъ; въ знаменитой Аѳинской гимназіи, посвященной Аполлону Ликейскому (*Λυκειον* = лицей) великій Аристотель училъ, гуляя по аллеямъ сада.

Но какъ бы ни было велико значеніе этой мѣры, какъ бы ни важно было со стороны общества въ этомъ именно смыслѣ — въ заботахъ объ устройствѣ общежитій и пансіоновъ при учебныхъ заведеніяхъ выразить свое участіе въ предпринимаемой реформѣ этихъ заведеній прежде всего, все же нужно сказать, что мѣра эта внѣшняя, лишь облегчающая введеніе реформы въ желательномъ направленіи, но существа ея не касающаяся; ибо и въ общежитіяхъ и въ пансіонахъ возможенъ такой порядокъ дѣла, который будетъ итти въ разрѣзъ съ намѣченными ею идеалами. Дѣло не въ стѣнахъ, которыми ограждается заведеніе отъ тлетворнаго вліянія улицы, а въ самомъ строѣ жизни этого заведенія — въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ ведется за этими стѣнами дѣло образованія обученія и воспитанія. Объ этомъ-то и будетъ наша дальнѣйшая рѣчь.

Но прежде, чѣмъ говорить о воспитаніи, имѣющемъ прямою своею задачею образованіе сердца и воли въ духѣ вѣры православной Церкви, остановимся на вопросѣ объ обученіи, которое, по слову Царскому, должно итти рука объ руку съ воспитаніемъ, само быть воспитательнымъ. Въ данномъ случаѣ, безъ сомнѣнія, не то только разумѣется, что каждый учитель обязанъ своимъ добрымъ поведеніемъ воспитательнымъ образомъ дѣйствовать на своихъ учениковъ, а и то главнымъ образомъ, что онъ въ самомъ преподаваніи своемъ, даже со стороны его содержанія, долженъ имѣть въ виду воспитательныя задачи въ духѣ православной вѣры.

Что такія задачи въ своемъ преподаваніи долженъ имѣть въ виду *законоучитель*, какъ классный преподаватель Закона Божія, этого никто, конечно, не отрицаетъ и даже больше; въ послѣднее время очень распространено мнѣніе, что на урокахъ закона Божія какъ можно меньше должно быть сообщаемо разныхъ догматическихъ, историческихъ и обрядовыхъ свѣдѣній, чтобы тѣмъ удобнѣе было вести нравоучительныя бесѣды. Между современными дѣятелями просвѣщенія есть не мало такихъ, которые, выходя изъ раціоналистическаго пониманія религіи, какъ одной лишь морали безъ догмата и культа, въ родѣ ученія гр. Л. Н. Толстого, готовы всю отвѣтственность за духовно-нравственную неблаговоспитанность молодежи возложить на однихъ лишь законоучителей, на то, что занятые на своихъ урокахъ догматикой, исторіей и богослуженіемъ,

они мало и худо учатъ дѣтей доброй нравственности, очевидно, забывая не только то, что правоученія нѣтъ безъ вѣроученія, а и то главнымъ образомъ, что тому же обязаны учить своими уроками и всѣ остальные преподаватели. Мало того, они говорятъ даже, что внесеніе нравственно-воспитательныхъ задачъ въ духѣ вѣры Христовой въ преподаваніе свѣтскихъ наукъ не только не приложимо на дѣлѣ, а и не согласно съ истиною. „Каждая наука“, говорятъ они, „имѣетъ свой строго опредѣленный кругъ предметовъ, никакого отношенія ни къ нравственности, ни къ вѣроученію не имѣющихъ, и задача учителя состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить учениковъ съ этимъ кругомъ предметовъ не только въ основныхъ чертахъ, а, по возможности, съ обстоятельными подробностями“. При такомъ пониманіи дѣла, по ихъ мнѣнію, введеніе воспитательнаго въ религіозно-нравственномъ отношеніи элемента въ преподаваніе свѣтскихъ наукъ стоитъ, будто бы, въ прямомъ противорѣчіи съ самымъ понятіемъ о наукѣ.

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, въ этомъ позволительно усумниться. Прежде всего совершенно несправедливо смѣшивать научное изученіе предмета съ учебнымъ его преподаваніемъ въ школѣ даже высшей. Эти два дѣла настолько существенно различны между собою и по своимъ цѣлямъ, и по своимъ пріемамъ, и по самому кругу предметовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, что то, что̀ можно сказать обо одномъ, совсѣмъ не приложимо къ другому. Не учебное или школьное, а именно научное изученіе предмета имѣетъ своею задачею всестороннее обслѣдованіе его съ цѣлію опредѣленія его сущности, отношенія къ другимъ предметамъ и возможныхъ значеній; для достиженія этой цѣли для ученаго не только позволительны, а и обязательны самые разнообразные пріемы обслѣдованія предмета, разнаго рода гипотезы, предположенія, опыты, отыскиваніе и провѣрка свидѣтельствъ и т. п.; въ нихъ-то именно и состоитъ самая сущность ученой работы. Школьное же изученіе предмета имѣетъ своею задачею познакомить учениковъ съ положительными результатами всей этой кабинетной работы ученыхъ, точно провѣренными и документально доказанными, и потому можетъ пользоваться пріемами ученыхъ лишь для подтвержденія или объясненія этихъ положеній.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что въ послѣднее время науки — и реальныя, имѣющія предметомъ своимъ видимую природу, и гуманитарныя, обнимающія собою жизнь человѣческаго духа въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, — разрослись такъ широко, что едва можно окинуть взоромъ все ихъ содержаніе; въ соотвѣтствіи съ этимъ такъ же широко развились и тѣ практическіе выводы изъ этихъ наукъ, которые опредѣляютъ собою самый строй человѣческой жизни. Но и въ этомъ въ собственномъ смыслѣ слова научномъ отношеніи умственная работа можетъ не имѣть воспитательнаго въ религіозно-нравственномъ смыслѣ значенія только при одностороннемъ направленіи этой работы, когда человѣкъ, углубляясь все больше и больше въ частности и мелочи изучаемаго предмета, забываетъ его общее и основное, когда, ища отвѣта на вопросы познанія, что, какъ, гдѣ, когда и т. п., не задумывается надъ вопросомъ о смыслѣ его — его конечныхъ причинахъ и цѣляхъ. Къ сожалѣнію, таково именно и есть въ общемъ направленіе современной науки. Главнымъ предметомъ ея служитъ видимая природа въ детальномъ воспроизведеніи и усвоеніи дѣйствующихъ въ ней силъ и существующаго порядка; даже жизнь человѣческаго духа нынѣ изучается и обслѣдуется не въ ея конечныхъ основахъ, какъ проявленіе существа духовнаго міра, а въ ея отношеніяхъ къ этой именно видимой природѣ — ея силамъ и законамъ въ смыслѣ уравненія ея съ жизнію этой природы не только въ ихъ происхожденіи и конечной судьбѣ, а и въ законахъ дѣятельности. При такомъ положеніи дѣла само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о нравственно-воспитательномъ значеніи науки. Въ видимой природѣ, взятой въ ея отдѣльности, гдѣ все мѣрою, вѣсомъ и числомъ, нѣтъ того духовнаго масштаба, который указалъ бы человѣку идеалъ его духовной жизни; наоборотъ, такъ прославленный въ естествовѣдѣніи дарвинизмъ приводитъ близорукихъ послѣдователей его къ матеріализму, детерминизмъ ведетъ ученыхъ поклонниковъ его къ фаталистическому принципу въ исторіи, и тогда здѣсь не остается уже мѣста для Бога и Его законовъ. Это широкое развитіе положительнаго знанія, на ряду съ низкимъ уровнемъ философскаго осмысленія этого знанія, развиваетъ въ людяхъ такой науки крайнюю самомнительность и самодовольство, а ихъ легкомысленныхъ послѣдователей естественно должно приводить и приводитъ къ нравственной безпринципности и даже распущенности. Словомъ, происходитъ то, что̀ такъ ярко и сильно изобразилъ св. апостолъ Павелъ въ первой главѣ своего посланія къ римлянамъ, гдѣ онъ говоритъ, что люди, которымъ дано было Богомъ познавать Его чрезъ разсматриваніе твореній, вмѣсто того, чтобы сообразно съ этимъ доступнымъ имъ разумѣніемъ Бога (и Его св. воли) прославлять и благодарить Его, *осуетились въ умствованіяхъ своихъ* (т.-е. умомъ своимъ обратились къ пустымъ и ничтожнымъ

вещамъ), *и омрачилось неразумное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ и четвероногимъ и пресмыкающимся* (19—23 ст.). А за этимъ, по словамъ апостола, само собою послѣдовала и нравственная распущенность этихъ людей (24—30). Но этотъ же апостолъ выше называетъ это явленіе *подавленіемъ истины неправдою*, т.-е. явленіемъ ненормальнымъ, неправильнымъ, неистиннымъ и потому заслуживающимъ гнѣва Божія (ст. 10).

Конечно, если это направленіе изъ области науки и кабинетовъ ученыхъ перейдетъ, какъ уже и переходитъ, въ наши школы, гдѣ малоразвитые, малоопытные отроки и юноши едва способны осилить только верхушки науки, преподаваемой имъ „въ популярномъ изложеніи“, — то что дивиться, если преподаваніе свѣтскихъ наукъ въ этихъ школахъ не только не имѣетъ никакого положительно-воспитательнаго значенія, а дѣйствуетъ прямо въ отрицательно-воспитательномъ смыслѣ!... Не смѣя отрицать горькую правду царскаго слова о неблаговоспитанности нашей молодежи, посмѣютъ ли сторонники такой науки по-пилатовски умыть руки и сказать, что они не повинны въ этой неблаговоспитанности?...

Но въ этомъ ли истинная наука, и къ этому ли она должна приводить нашихъ дѣтей? Мы осмѣливаемся утверждать, что понимаемыя въ истинномъ своемъ смыслѣ и значеніи свѣтскія науки, не только гуманитарныя, а и реальныя, не только въ ихъ наивысшихъ проявленіяхъ, а и въ томъ ихъ элементарномъ объемѣ, въ какомъ преподаются онѣ въ нашихъ среднихъ школахъ, даютъ не мало религіозно-нравственнаго воспитательнаго матеріала, и долгъ учителей не замалчивать его на своихъ урокахъ, а наоборотъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы раскрывать и разъяснять, обобщать и распространять даже на жизнь человѣческаго духа существующую въ природѣ борьбу за существованіе, возводя ее въ непреложный законъ, развѣ нельзя находить въ той же природѣ фактовъ и явленій совершенно противоположнаго характера? *Небеса повѣдаютъ славу Божію и твореніе руку Его возвѣщаетъ твердь*, говоритъ Псалмопѣвецъ (Пс. 18, 1—3), который въ цѣломъ рядѣ другихъ псалмовъ призываетъ саму природу хвалить и благословлять Господа, вся премудростію сотворившаго. См., напр., Пс. 8, 103, 146 и др. Сколько далѣе чистыхъ правоучительныхъ уроковъ изъ жизни животнаго и растительнаго царствъ указываетъ премудрый Соломонъ въ своей книгѣ Притчей? Св. ап. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ, именуемомъ нѣкоторыми христіанской философіей,

говоритъ даже о томъ, какъ эта природа, покорившаяся тлѣнію не добровольно, но по волѣ покорившаго ее (ср. Быт. 3, 2), не только стонетъ и мучается, а и чаетъ освободиться отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ (Римл. 8, 19—21). Нужно ли далѣе говорить о томъ, съ какимъ искусствомъ, силою и мѣткостію отмѣчали въ природѣ слѣды премудрости и благости Божіей и уроки духовной жизни вѣрные ученію апостольскому св. отцы Церкви? Довольно указать хотя бы, напр., на великаго для своего времени естествовѣда св. Василія Великаго съ его „Шестодневомъ“, или на нашего русскаго златоуста св. Тихона Задонскаго съ его „Сокровищемъ духовнымъ отъ міра собираемымъ“. Съ умиленіемъ и чувствомъ глубокой благодарности припоминаемъ мы лекціи по естественно-научной апологетикѣ заслуженнаго профессора Московской духовной академіи Д. Ѳ. Голубинскаго, который поставилъ своею задачею въ защиту христіанскаго міровоззрѣнія раскрывать и разъяснять въ его смыслѣ разнообразныя явленія природы во всѣхъ царствахъ ея, превратно толкуемыя невѣрующими естествовѣдами, и мы счастливы, что можемъ сослаться въ этомъ вопросѣ на его авторитетное слово, начало котораго уже было помѣщено въ нашемъ журналѣ въ статьѣ „Объ изученіи природы въ духѣ Христовой вѣры“...

Если такимъ образомъ реальныя науки могутъ дать не мало воспитательнаго въ религіозно-нравственномъ отношеніи матеріала, то еще больше можно сказать это о наукахъ гуманитарныхъ.—Въ духовныхъ семинаріяхъ стараго времени, по воспоминаніямъ только-что названнаго проф. Моск. дух. академіи Д. Ѳ. Голубинскаго и другихъ, на урокахъ словесности образцы тѣхъ или иныхъ родовъ и видовъ литературныхъ произведеній и примѣры разныхъ пріемовъ и оборотовъ рѣчи брались, между прочимъ, и изъ Библіи: почему оставленъ этотъ добрый обычай теперь?... Конечно, найдутся такіе „педанты-учители словесности“, да и не одни они, которые обзовутъ этотъ обычай выраженіемъ схоластически-узкаго клерикализма и обвинятъ предлагающаго его возстановленіе въ невѣжествѣ, будутъ говорить о непримѣнимости этого предложенія; но — напрасно. Что въ Библіи въ ея славянскомъ и русскомъ переводахъ можно находить прекрасные образцы разнообразныхъ родовъ и видовъ литературныхъ произведеній, не только глубокихъ и высокихъ по содержанію, а и прекрасныхъ по своей формѣ — логической стройности и красотѣ выраженій, объ этомъ свидѣтельствуетъ то уже, что почти всѣ наши лучшіе поэты писали „подражанія“ псалмамъ и другимъ библей-

скимъ поэтическимъ произведеніямъ, а великій Пушкинъ любилъ читать Четьи Минеи св. Димитрія Ростовскаго, восторгаясь, между прочимъ, самымъ ихъ изложеніемъ. И подлинно. Только не читавшіе со вниманіемъ Библіи могутъ не знать, какіе художественные образы и обороты рѣчи встрѣчаются, напр., въ псалмахъ, въ книгѣ Іова, у пророковъ Исаіи, Іереміи и Іезекіеля. А притчи Соломона — по своей образности и мѣткости развѣ уступятъ нашимъ пословицамъ? То же нужно сказать и о святоотеческихъ твореніяхъ. Можно ли, напр., не восторгаться такъ называемыми догматиками преп. Іоанна Дамаскина или составленными имъ же пѣснопѣніями пасхальной утрени? А всѣмъ, конечно, хорошо извѣстное огласительное слово св. Іоанна Златоустаго, читаемое въ той же пасхальной утрени — какое совершенное во всѣхъ отношеніяхъ ораторское произведеніе! Все это, скажутъ, переводныя, а не чисто русскія произведенія нашего времени. Въ такомъ случаѣ возьмите проповѣди напр., митр. Филарета, Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и др. Вѣдь, напр., слово митр. Филарета на день преп. Сергія, гдѣ онъ говоритъ о келліи преподобнаго и его богослуженіи при свѣтѣ лучины, или Иннокентія въ Великій пятокъ о слезахъ при гробѣ Господа — это перлы поэтическаго творчества!... А и они въ руководствахъ словесности упоминаются ли? Вообще, что касается исторіи нашей русской литературы, то здѣсь въ разсматриваемомъ нами отношеніи дѣло обстоитъ такъ, что пересмотръ и измѣненіе ея программы не только могутъ быть желательными, а и должны быть признаны неотложно необходимыми. Въ доказательство этого нѣтъ, конечно, нужды ссылаться на такія, напр., дикія заявленія поклонниковъ современной литературы извѣстнаго пошиба, что вмѣсто чтенія въ классѣ отрывковъ изъ какой-либо Голубиной книги хорошо, будто бы, знакомить воспитанниковъ съ „босяками“ Максим а Горькаго, стихотвореніями Бальмонта и т. п.; укажемъ вотъ на какой фактъ. Не такъ давно проф. А. И. Пономаревымъ изданы были съ обстоятельными введеніями и объяснительными примѣчаніями „Памятники древне русской церковной письменности“, въ которыхъ на ряду съ поученіями свв. Илларіона Кіевскаго, Луки Жидяты и др. помѣщены проложныя сказанія, и что же? Изъ четырехсотъ, гимназій только, кажется, около 25 пріобрѣли эти „Памятники“ для своихъ библіотекъ. А вѣдь въ этихъ памятникахъ духовная жизнь нашихъ предковъ — тѣ идеалы, которыми жили они, которыми опредѣлялся укладъ ихъ жизни, выражены, конечно, въ болѣе существенной степени, чѣмъ, напр., въ подблюдныхъ пѣсняхъ, на которыхъ гг. учи-

тели словесности зачастую останавливаютъ особенное вниманіе воспитанниковъ...

Переходимъ къ урокамъ и занятіямъ по гражданской исторіи, которая не напрасно, конечно, именуется учительницею народовъ. Какія задачи преслѣдуются въ существующихъ у насъ общеобразовательныхъ курсахъ исторіи, и еще больше, въ классныхъ объясненіяхъ наставниковъ? Какія стороны жизни народовъ выдвигаются, какъ выразители духа народнаго? Какіе историческіе законы этой жизни выводятся? Какой смыслъ ея указывается? Словомъ, въ чемъ состоитъ философія современной исторической науки? Вѣдь то несомнѣнная истина, что наука эта не только въ ученыхъ трудахъ ея присяжныхъ служителей, а и въ учебной литературѣ — и въ ней даже по преимуществу — должна быть не безыдейнымъ и безпринципнымъ собраніемъ разсказовъ о быломъ, а системой достовѣрныхъ фактовъ, наглядно и живо изображающихъ и выражающихъ состояніе, направленіе и развитіе духовной жизни народа и обусловливающихъ ее причинъ. Что, если учитель на урокахъ исторіи будетъ слѣдовать теоріи Бокля въ его „Исторіи Англіи“, гдѣ ростъ и ходъ духовной жизни народа выставляются результатомъ однѣхъ лишь физическихъ причинъ, или будетъ руководиться фаталистическими воззрѣніями гр. Л. Тостого, высказанными имъ, напр., въ „Войнѣ и мирѣ“, гдѣ на почвѣ фаталистическаго міровоззрѣнія автора, славные герои двѣнадцатаго года въ ихъ патріотическихъ подвигахъ выставлены орудіями слѣпого случая, а въ своихъ духовныхъ дарованіяхъ и состояніяхъ обезображены и опозорены до неузнаваемости? Нужно ли еще говорить, напр., объ историко-критическихъ очеркахъ Милюкова? Обстоятельную характеристику и достойную оцѣнку ихъ читатели найдутъ въ печатающихся у насъ статьяхъ о. І. Тарасія... А вѣдь все это, несомнѣнно, въ нравственно-воспитательномъ отношеніи должно дѣйствовать отрицательно. Совсѣмъ другое вліяніе на учениковъ должны оказывать уроки того учителя, который держится теистической теоріи божественнаго провиденціализма и одушевленъ чувствомъ патріотизма. Само собою разумѣется, патріотическая тенденція учителя не въ томъ должна выражаться, чтобы возвеличивать все свое и унижать чужое хотя бы лживо, а въ томъ, чтобы не поставлять своею задачею хамское раскрытіе наготы отцовъ, такъ сказать, не подчеркивать ея; точно такъ же, какъ и теистическая точка зрѣнія требуетъ не того, чтобы въ указаніи причинъ и цѣлей того или иного историческаго факта ограничиваться однимъ лишь: такъ угодно Богу, а того, чтобы не придавать исключительнаго значенія

ни внѣшнимъ физическимъ условіямъ этого факта, ни духовнымъ силамъ дѣйствующихъ лицъ. И то еще нужно сказать, что въ гражданской исторіи должны имѣть мѣсто библейскія и церковно-историческія событія и явленія, въ тѣсной внутренней связи стоящія съ событіями гражданскими, между тѣмъ какъ часто они прямо-таки опускаются; бываетъ, что опускается вся исторія евреевъ.

Въ этомъ именно смыслѣ и отношеніи въ одинъ рядъ съ исторіей должны быть поставлены и классическіе языки. Мы крѣпко думаемъ, что классицизмъ у насъ, въ послѣднее время особенно, потому именно и возбудилъ противъ себя общественное мнѣніе, что, какъ образовательная система, онъ воспринятъ былъ въ нашихъ гимназіяхъ съ одной лишь его внѣшне-формальной, такъ сказать, грамматической стороны, безъ его идейнаго содержанія и безъ всякаго соотношенія этого содержанія съ Христовой истиной. Въ истинно классическомъ образованіи, какъ защищалъ его у насъ покойный М. Н. Катковъ, изученіе древнихъ языковъ должно быть не внѣшне-механическимъ только усвоеніемъ ихъ со стороны формы, но и внутреннимъ, состоящимъ въ усвоеніи содержанія произведеній и въ уясненіи по этимъ первоисточникамъ самаго духа жизни античнаго міра. Только такое изученіе, показавъ воспитаннику образцовое въ интеллектуальномъ и эстетическомъ отношеніяхъ значеніе античнаго міра сравнительно съ другими историческими народностями, откроетъ ему и тѣ, по выраженію свв. отцовъ, „отблески божественнаго свѣта“, которые свѣтились въ разумѣ и совѣсти лучшихъ изъ язычниковъ, поддерживали духовную жизнь въ языческомъ мірѣ и чрезъ это подготовляли его къ усвоенію Христовой вѣры. Съ другой стороны, знакомство съ духовной жизнью античнаго міра должно привести воспитанника къ убѣжденію, что естественный человѣкъ, не просвѣщенный свѣтомъ Евангелія, даже на самыхъ высшихъ ступеняхъ своего умственнаго развитія, не въ силахъ самъ подняться до той высоты духовно-нравственной жизни, на которой силою вѣры Христовой стало послѣдующее человѣчество, хотя и не превысившее античнаго міра своими естественными силами. Такимъ именно путемъ даже мертвый языческій классицизмъ можетъ и долженъ оказывать услугу Церкви, т.-е. способствуя развитію и укрѣпленію въ воспитанникахъ сознательнаго убѣжденія въ божественной истинности и спасительности Христовой вѣры, а вмѣстѣ съ этимъ содѣйствуя и ихъ духовно-нравственному воспитанію въ ея духѣ.

Конечно, о такихъ благотворныхъ результатахъ введенія воспитательнаго въ религіозно-нравственномъ отношеніи элемента въ образовательные курсы средней свѣтской школы можетъ быть рѣчь только при искренно усердномъ и благоразумномъ отношеніи къ дѣлу со стороны самихъ наставниковъ. Если внѣшне-формальное и неискреннее отношеніе къ дѣлу нигдѣ не можетъ быть плодотворнымъ, то въ дѣлѣ вѣры всякое лицемѣріе и двоедушіе прямо гибельно и вмѣсто положительнаго благотворнаго вліянія на религіозно-нравственное состояніе дѣтей произведетъ обратное дѣйствіе, вмѣсто убѣжденія въ истинахъ вѣры и укрѣпленія въ добрыхъ навыкахъ разовьетъ въ нихъ недовѣріе къ нимъ и нерасположеніе. Не много пользы дѣлу принесетъ и безтолковое постоянное навязываніе ученикамъ указанныхъ соображеній и заключеній, и наставникъ, глубоко убѣжденный въ проводимомъ имъ въ дѣтскую среду православно-христіанскомъ міропониманіи и искренно вѣрующій, сумѣетъ поставить дѣло такъ, что воспитанники безъ нарочитыхъ подчеркиваній со стороны наставника сами поймутъ извѣстное событіе или ходъ событій въ свѣтѣ вѣры и въ краткомъ кстати приведенномъ отрывкѣ или изреченіи изъ Библіи сами увидятъ наилучшій образецъ изучаемой словесной формы и т. п.

Высказывая свои pia desideria относительно основныхъ нравственно-воспитательныхъ въ духѣ вѣры Христовой тенденцій свѣтскихъ учебныхъ предметовъ средней школы, мы не скрываемъ отъ себя того, что преподаваемыя на этихъ урокахъ дѣтямъ знанія составляютъ далеко не весь запасъ ихъ знаній по исторіи, словесности и естествовѣдѣнію и что добрую половину этихъ знаній они пріобрѣтаютъ изъ тѣхъ книгъ и періодическихъ изданій, которыя въ такомъ обиліи выходятъ нынѣ и такъ во всѣхъ отношеніяхъ доступны дѣтямъ. А направленіе этихъ книгъ и журналовъ такъ часто идетъ прямо-таки въ разрѣзъ съ ученіемъ нашей вѣры и Церкви. Мы согласны и съ тѣмъ, что школа одна не въ силахъ бороться съ этимъ зломъ, вліяющимъ на дѣтей внѣ ея стѣнъ; но что же отсюда слѣдуетъ? Когда темнѣетъ на дворѣ, усиливаютъ свѣтъ въ домѣ, вотъ какой практическій совѣтъ долженъ быть предложенъ въ отвѣтъ на это возраженіе. Въ противодѣйствіе отмѣченной нами духовной уличной тьмѣ школа обязана усилить у себя свѣтъ и внѣшкольной противохристіанской и безнравственной литературѣ противопоставить литературу глубоко-нравственную и строго-православную. Этому дѣлу должны послужить школьныя библіотеки. То, конечно, правда, что въ эти библіотеки могутъ поступать книги, только одобренныя или рекомендованныя высшимъ учебнымъ начальствомъ; но вѣрно вѣдь и то, что далеко

не все изъ одобреннаго Ученымъ Комитетомъ Министерства Просвѣщенія дѣйствительно поступаетъ въ эти библіотеки, и, что̀ особенно грустно, не поступаетъ именно то, что̀ особенно въ данномъ случаѣ нужно. Мы разумѣемъ книги и журналы духовные, которые вообще очень мало распространены не только въ обществѣ, а и въ свѣтскихъ школахъ. А между тѣмъ въ этихъ именно книгахъ и журналахъ дается полный и обстоятельный разборъ и опроверженіе тѣхъ несогласныхъ съ ученіемъ православной Церкви воззрѣній и міропониманій, которыя проповѣдуются нынѣ, напр., гр. Толстого, Ницше и др., а въ противовѣсъ грязной и вызывающей беллетристикѣ послѣдняго времени, въ родѣ разсказовъ Горькаго и др. въ этихъ книгахъ и журналахъ не рѣдко даются повѣсти и разсказы самаго положительно-воспитательнаго содержанія и характера. Говорю по опыту, что разсказы эти читаются воспитанниками младшихъ классовъ съ удовольствіемъ, точно такъ же, какъ воспитанниками старшихъ классовъ и студентами съ интересомъ читаются и серіозныя статьи противъ Л. Толстого и др. Но не говоря уже про современную духовную и богословскую литературу, есть ли въ ученическихъ библіотекахъ среднихъ учебныхъ заведеній, напр., Четьи Минеи святителя Димитрія Ростовскаго, которыя, кстати сказать, предлагаются теперь въ прекрасномъ русскомъ переводѣ, есть ли творенія св. Іоанна Златоустаго, которыя, также сказать кстати, вновь такъ общедоступно переиздаются Петербургской духовной академіей, есть ли творенія св. Тихона, проповѣди митр. Филарета, архіепископа Иннокентія и мн. др.? Вѣдь все это не только перлы въ художественномъ отношеніи, а и столпы, способные быть устоями вѣчной жизни! Какое противоядіе представила бы собою такая библіотека тлетворнымъ вліяніямъ улицы! И если бы гг. учители и начальники средней школы благоволили хоть изрѣдка напоминать своимъ питомцамъ объ этомъ противоядіи, какую великую службу Церкви Божіей сослужили бы они этимъ!

Это несомнѣнно такъ; но истина все-таки въ томъ, что вводить въ дѣтскую душу этотъ свѣтъ Христовой вѣры и, такъ сказать, сроднять ее съ этимъ свѣтомъ есть прямой долгъ прежде всего и больше всего именно учителей вѣры. Посмотримъ поэтому, какъ обстоитъ у насъ и это дѣло.

Крайне односторонне, фальшиво и въ религіозно-нравственномъ отношеніи пагубно то нерѣдко даже искренно благочестивыми людьми, по какому-то печальному недоразумѣнію, поддерживаемое мнѣніе, будто для большей плодотворности религіозно-нравственнаго образованія въ нашей средней свѣтской школѣ должно заботиться не объ увеличеніи уроковъ по Закону Божію, а о томъ, чтобы и имѣющіеся уже на лицо выдѣлить изъ ряда другихъ въ тѣхъ отношеніяхъ, чтобы за уроки по Закону Божію не ставились баллы, за незнаніе ихъ не было наказаній, не было бы экзаменовъ, не было ни заучиванія этихъ уроковъ, ни даже учебниковъ. По мнѣнію этихъ людей, уроки Закона Божія должны быть назидательными отеческими бесѣдами законоучителя съ учениками безъ всякой строго опредѣленной программы и даже системы; все дѣло, по мнѣнію ихъ, въ возбужденіи и оживленіи въ дѣтяхъ религіозно-благочестивой настроенности, чистой совѣсти и добраго чувства...

Въ этомъ мнѣніи вѣрно лишь то, что въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго образованія сердце и воля имѣютъ преимущественное значеніе сравнительно съ разумомъ; такъ что можно быть опытнымъ богословомъ, умѣющимъ разобраться въ едва различимыхъ тонкостяхъ богословскихъ вопросовъ и въ то же время и нерелигіознымъ и ненравственнымъ, точно такъ же какъ и наоборотъ, можно быть очень набожнымъ и высоконравственнымъ человѣкомъ и въ то же время несвѣдущимъ въ самыхъ безспорныхъ и очевидныхъ истинахъ вѣры. Замѣчательно мѣтко и наглядно выяснено это преимущественное предъ разумомъ значеніе сердца въ вѣрѣ въ пространномъ катихизисѣ въ отвѣтѣ на вопросъ: какое различіе между вѣрою и знаніемъ... „Знаніе, — читаемъ мы тамъ, — принадлежитъ уму, хотя и можетъ дѣйствовать на сердце, вѣра же принадлежитъ сердцу, хотя и начинается въ мысляхъ“. Но изъ этихъ словъ, равно какъ и изъ предшествующихъ имъ примѣровъ ясно и то, что сердце съ его добрыми чувствованіями въ дѣлѣ вѣры имѣетъ не исключительное значеніе, а только преимущественное предъ разумомъ. Въ основѣ добрыхъ христіанскихъ чувствованій и желаній лежатъ строго опредѣленныя религіозныя вѣрованія и убѣжденія. То же, во что надлежитъ вѣровать, дано намъ въ божественномъ Откровеніи — въ священномъ Писаніи и въ священномъ Преданіи. Слѣдовательно, вѣра Христова не только можетъ, а и должна быть предметомъ знанія, а стало-быть, и класснаго изученія наравнѣ съ другими предметами знанія и ученія. Слѣдовательно, объ отмѣнѣ на урокахъ Закона Божія учебниковъ, заучиванія и взысканій и т. п. не должно быть и рѣчи... Наоборотъ, если справедливо, что степень награды и наказанія вообще должны соразмѣряться съ важностію заслуживающаго награды дѣла и великостію преступленія, то употребленіе принятыхъ въ школѣ средствъ

для поощренія преуспѣвающихъ и исправленія лѣнивыхъ въ дѣлѣ ученія въ приложеніи къ занятію Закономъ Божіимъ слѣдуетъ даже усилить сравнительно съ пользованіемъ ими въ настоящее время. Дѣло въ томъ еще, что какъ бы ни были возвышенны рѣчи о непристойности якобы внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго образованія, то несомнѣнно, что живущій въ членахъ нашихъ законъ грѣха (Римл. 7, 23) съ особенною силою оживаетъ въ насъ въ отношеніи именно къ этимъ сторонамъ жизни, а слово Господа, что *царствіе Божіе нудится,* т.-е. съ усиліемъ достигается (Мо. 11, 12) не ложно и въ приложеніи къ дѣтямъ. И вотъ какія печальныя явленія вытекаютъ изъ этого. Начальники и родители, требуя, чтобы по Закону Божію баллы были выше, чѣмъ по другимъ предметамъ, обыкновенно указываютъ и дѣтямъ и оо. законоучителямъ на сравнительную важность этого предмета; но на ряду съ этимъ и тѣ и другіе сами-то постоянно обнаруживаютъ полное невниманіе къ этому предмету, — одни — родители — тѣмъ, что часто или не знаютъ, или даже не признаютъ того, знанія чего и уваженія къ чему требуютъ отъ дѣтей, другіе — начальники — тѣмъ, что при общей оцѣнкѣ ученика (при переходѣ, напр., изъ класса въ классъ) никакого значенія не придаютъ баллу по Закону Божію. Дѣти все это ясно видятъ, и справедливо заключаютъ отсюда о фальшивости означенныхъ указаній, и сами начинаютъ неуважительно относиться къ этому предмету и такъ же фальшивить, т.-е. прося законоучителя о постановкѣ хорошаго балла даже за плохое знаніе урока. Поставленный между этой сциллой и харибдой законоучитель, подобострастный всѣмъ человѣкъ, склоняется на просьбу ученика, и такимъ образомъ выходитъ круговой обманъ: комментаріи излишни.

Необходимо, по нашему мнѣнію, и увеличеніе числа уроковъ по Закону Божію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ той, по крайней мѣрѣ, степени, о какой оо. законоучители не разъ заявляли и въ печати, ходатайствовали и предъ предержащими властями; но, признаемся, не въ увеличеніи числа уроковъ усматриваемъ мы важнѣйшее средство къ улучшенію религіозно-нравственнаго образованія, именно какъ предмета обученія; ибо думаемъ, что дѣло все-таки не въ количествѣ уроковъ, а въ качествѣ ихъ. Говоря о качествѣ уроковъ, мы разумѣемъ не преподаваніе — не то, какъ ведется оно, — ведется ли оно сухо, вяло и схоластично или наоборотъ (хотя признаемъ, что и это, если это именно разумѣютъ подъ талантливостію, имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ), — а самый, такъ сказать, предметъ преподаванія, — то, что преподается.

Въ составъ учебнаго курса Закона Божія въ среднихъ школахъ входятъ, обыкновенно, свящ. исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, исторія христіанской Церкви, ученіе о богослуженіи и катихизисъ. Послѣдній есть собственно систематизація того вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, которое дано намъ въ божественномъ Откровеніи; священная же исторія, исторія Церкви и ученіе о богослуженіи представляютъ собою краткое и общедоступное изложеніе этого самаго Откровенія, въ томъ его видѣ, какъ оно дано намъ въ свящ. Писаніи и въ свящ. Преданіи. Такова схема взаимоотношенія отдѣльныхъ частей учебнаго курса Закона Божія въ среднихъ школахъ, и едва ли можно что-либо говорить противъ цѣлесообразной полноты и законченности такого состава этого курса съ принципіальной точки зрѣнія. Но не подлежащій ни малѣйшему оспариванію въ своемъ цѣломъ и общемъ, указанный составъ курса вызываетъ не мало недоумѣній въ частностяхъ, касающихся взаимнаго распредѣленія частей его по классамъ, ихъ сравнительнаго объема и, главнѣе всего, ихъ содержанія.

По принятымъ въ большинствѣ среднихъ учебныхъ заведеній программамъ входящіе въ составъ учебнаго курса Закона Божія предметы распредѣляются такъ: въ I кл. — свящ. исторія Ветхаго Завѣта, во II кл. — свящ. исторія Новаго Завѣта, въ III кл. — ученіе о богослуженіи, въ IV и V — кл. катихизисъ, въ VI кл. — исторія Церкви и въ VII и VIII кл. — повторительный курсъ катихизиса съ разнаго рода дополнительными свѣдѣніями. Въ этомъ распредѣленіи съ перваго же взгляда бросается въ глаза его несистематичность и, такъ сказать, разбитость. Ибо что бы ни говорили о неподготовленности учениковъ III класса къ усвоенію уроковъ церковной исторіи, наука эта ни въ какомъ случаѣ не труднѣе ученія о богослуженіи; особенно въ томъ ея видѣ, какъ она проходится въ настоящее время, и то обстоятельство, что ученики III класса не знакомы еще съ гражданской исторіей средней и новой, едва ли можетъ служить для нихъ затрудненіемъ къ усвоенію церковно-историческихъ свѣдѣній, относящихся къ этимъ періодамъ гражданской исторіи. Между тѣмъ изученіе церковной исторіи вслѣдъ за священной eo ipso поставитъ ихъ въ сознаніи учениковъ въ самой тѣсной взаимной связи, а чрезъ это и самихъ учениковъ сблизитъ и, такъ сказать, сроднитъ съ библейскими лицами и событіями. Близость эта будетъ сознаваться ими еще яснѣе и живѣе, если послѣ церковной исторіи (въ III кл.) ,въ IV классѣ будетъ проходиться ученіе о богослуженіи, которое имѣя исходнымъ пунктомъ своимъ Библію, въ своемъ

развитіи и подробностяхъ принадлежитъ къ церковно-исторической области, а въ законченномъ своемъ видѣ служитъ наилучшимъ средствомъ для выраженія нашего личнаго единенія съ Церковіею и пребыванія въ ней. Разумѣется, ученики во время прохожденія этихъ курсовъ не сумѣютъ сами такъ отчетливо представить себѣ эту взаимную связь ихъ и жизненную близость лично къ себѣ самимъ, но что то и другое останется въ нихъ, и впослѣдствіи уяснится само собою, это не можетъ подлежать сомнѣнію.

Въ приведенномъ распредѣленіи отдѣльныхъ предметовъ Закона Божія по классамъ еще яснѣе, чѣмъ несистематичность, бросается въ глаза несоразмѣрность объема ихъ съ степенію ихъ сравнительной важности и значенія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно признать логически-состоятельнымъ и цѣлесообразнымъ то, что на свящ. исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, на исторію Церкви и ученіе о богослуженіи полагается только 8 уроковъ въ теченіе всего восьмилѣтняго курса, т.-е. столько же, сколько и на одинъ катихизисъ, который, въ сущности есть лишь систематическое обобщеніе религіозно-нравственнаго содержанія, во всей полнотѣ и цѣлостности даннаго въ тѣхъ основоположительныхъ для него курсахъ? Какими бы апологетико-полемическими разсужденіями мы ни дополняли заключительнаго курса Закона Божія въ старшихъ классахъ сравнительно съ тѣмъ, что̀ дано было ученикамъ въ „Пространномъ катизисѣ“, проходимомъ въ IV и V классахъ, во всякомъ случаѣ, въ большей и существеннѣйшей своей части онъ есть простое повтореніе послѣдняго, и какими бы жизненно-существенно-важными соображеніями мы ни оправдывали даваемаго нами дополнительнаго содержанія этого курса, логическая несостоятельность указанной несоразмѣрности частей всего курса не ускользаетъ отъ здраваго смысла самихъ воспитанниковъ, и преподанное имъ когда-то въ элементарномъ видѣ и изъ вторыхъ, такъ сказать, рукъ содержаніе основоположительныхъ данныхъ катихизиса изъ священной и церковной исторіи и ученія о богослуженіи, и теперь ими уже полузабытое и даже затемненное разнаго рода раціоналистическими популяризаціями его, не будетъ имѣть для нихъ того священнаго авторитета непреложной истины идеальной высоты и глубины, какой ему подобаетъ. Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи можетъ вести и ведетъ эта несостоятельная въ логическомъ отношеніи и ненормальная постановка дѣла, конечно, въ связи съ другими обстоятельствами, объ этомъ едва ли нужно растространяться!...

Въ сказанномъ частію уже намѣчено то главное и существенное въ учебномъ курсѣ Закона Божія въ средней школѣ, что въ видахъ подъема и улучшенія дѣла религіозно-нравственнаго образованія должно подлежать неотложному и существенному измѣненію. Мы говоримъ о содержаніи этого курса въ тѣхъ его частяхъ, которыя выше мы назвали основоположительными. — Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно спокойно помириться съ существующей постановкой этихъ частей Закона Божія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, — съ тѣмъ, что именно преподается нашему свѣтскому юношеству по принятымъ въ нихъ учебнымъ пособіямъ и руководствамъ по священной и церковной исторіямъ и ученію о богослуженіи? Что между существующими въ настоящее время учебниками по этимъ предметамъ нѣтъ, безспорно, удовлетворительнаго даже примѣнительно къ утвержденнымъ программамъ этихъ наукъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самое обиліе этихъ учебниковъ, которое съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Издавая свой собственный учебникъ, каждый авторъ уже тѣмъ самымъ заявляетъ о тѣхъ недостаткахъ и несовершенствахъ предшествовавшихъ учебниковъ, которые онъ имѣетъ цѣлію исправить. Къ сожалѣнію, случается, что вмѣсто исправленія дѣла получается только его ухудшеніе. Но не мѣсто личнымъ счетамъ тамъ,гдѣ грозитъ общая бѣда; такой бѣдой мы считаемъ то, что по утвержденнымъ программамъ разсматриваемыя нами части учебнаго курса Закона Божія должны проходиться именно по учебникамъ, которые, представляя собою приспособительное къ дѣтскому пониманію изложеніе заключающагося въ первоисточникахъ христіанской вѣры содержанія, не только замѣняютъ собой эти послѣдніе, а и дѣлаютъ ихъ какъ бы совершенно ненужными и излишними и чрезъ это отвлекаютъ отъ нихъ вниманіе воспитанниковъ и, даже больше, возбуждаютъ послѣднихъ противъ нихъ... Жестоко, можетъ-быть, слово сіе, но оно, несомнѣнно, горькая правда.

„Нельзя скрывать отъ себя“, говоритъ А. И. Георгіевскій[1]), „что наше образованное общество, наша такъ называемая интеллигенція болѣе или менѣе заражена религіознымъ индифферентизмомъ, нерѣдко и отрицательнымъ отношеніемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ, постановленіямъ, обрядамъ и богослуженію Церкви и даже разными новомодными лжеученіями, отрицающими самую сущность христіанства. Чтобы спасти отъ этого наше учащееся юношество, для этого пред-

[1]) Предположенная реформа нашей средней школы С.-Пб. 1902 г., 23 стр.

ставляется одно лишь средство, а именно: поставить его религіозное образованіе на твердую научную почву, привлечь его къ чтенію слова Божія въ подлинникѣ, пріохотить къ ясному уразумѣнію церковныхъ молитвъ, пѣснопѣній и вообще богослуженія чрезъ сличеніе церковно-славянскихъ текстовъ съ греческими подлинниками, заохотить также чтеніемъ въ подлинникѣ избранныхъ твореній св. отцовъ. При хорошемъ веденіи дѣла надлежаще приготовленными къ тому законоучителями учащіеся пріобрѣли бы и охоту и навыкъ къ постоянному изученію слова Божія и интересъ ко всему, что относится къ православной Церкви, къ ея ученію, ея богослуженію и ея обрядамъ, къ ея великимъ дѣятелямъ и подвижникамъ, ко всему ея прошедшему и настоящему, а вмѣстѣ съ тѣмъ была бы пріобрѣтена и способность къ болѣе глубокому ея изученію во всѣхъ отношеніяхъ и къ полнѣйшему усвоенію духа православной Церкви. Побороть духъ невѣрія, отличающій наше время, невозможно иначе, какъ поставивъ съ самаго начала все религіозное образованіе нашего учащагося юношества на твердую научную почву; единственнымъ же къ тому орудіемъ представляется греческій языкъ". Представивъ нѣсколько историческихъ свѣдѣній о греческомъ языкѣ въ нашихъ свѣтскихъ школахъ, авторъ продолжаетъ: „Начинаясь съ I класса, изученіе греческаго языка, какъ нельзя болѣе, пригодилось бы при прохожденіи Закона Божія въ продолженіе всего гимназическаго курса. Такъ, во II классѣ многія мѣста изъ Евангелій могли бы быть прочитываемы, а нѣкоторыя и заучиваемы по-гречески. Въ III классѣ, при ученіи о богослуженіи, греческій языкъ, какъ нельзя болѣе, пригодился бы для болѣе правильнаго и точнаго уразумѣнія церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній; Въ IV и V классахъ, а также въ VII и VIII, при прохожденіи православнаго катихизиса съ дополненіями изъ догматическаго и нравственнаго богословія, греческимъ языкомъ точно такъ же можно было бы воспользоваться для лучшаго разъясненія основныхъ библейскихъ текстовъ; въ VI классѣ, при прохожденіи исторіи Церкви, ученики могли бы быть ознакомлены въ подлинникѣ съ нѣкоторыми изъ великихъ твореній отцовъ Церкви, по крайней мѣрѣ въ извлеченіяхъ и съ нѣкоторыми изъ наиболѣе характеризующихъ ихъ назидательныхъ изреченій".

Не ко всѣмъ среднимъ школамъ приложимы эти высокопросвѣщенныя pia desideria маститаго предсѣдателя Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, а лишь къ нашимъ классическимъ гимназіямъ; и въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ, можетъ-

быть, для нѣкоторыхъ они покажутся превышающими степень дѣтскаго развитія вообще; но все это нисколько не умаляетъ выраженной въ приведенныхъ словахъ принципіальной истины о существенномъ пробѣлѣ въ настоящемъ учебномъ курсѣ Закона Божія въ нашей средней школѣ и способѣ его исправленія. Что наше образованное свѣтское общество отъ того и увлекается, можетъ-быть, новомодными лжеученіями и не усердствуетъ къ богослуженію, что не знаетъ — совсѣмъ незнакомо ни съ Божіимъ словомъ, ни съ святоотеческой письменностію, ни съ содержаніемъ нашего богослуженія, а незнакомо со всѣмъ этимъ потому, что не ознакомлено ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, ни съ третьимъ въ школѣ,— это такой общеизвѣстный фактъ, о которомъ едва ли можетъ быть какой-либо споръ и едва ли нужно приводить доказывающіе и иллюстрирующіе это положеніе примѣры. Ихъ и въ печати и въ законоучительской практикѣ такъ много, и они подчасъ такъ поразительно невѣроятны, что, право, горько вспоминать ихъ... Но кто виноватъ въ этомъ? Одно несомнѣнно, что не сами дѣти, по крайней мѣрѣ, въ возрастѣ младшихъ классовъ, когда они при благопріятныхъ условіяхъ не только любятъ читать и въ классѣ и въ церкви, а показываютъ какую-то особенную способность легко и скоро выучиваться читать церковно-славянскія книги правильно и твердо и надолго запоминать выученное. По опыту говорю, что никакого затрудненія для учениковъ II, напр., класса нѣтъ заучивать при изученіи св. исторіи Новаго Завѣта всѣ важнѣйшія мѣста изъ нагорной бесѣды Господа по Евангелію, тропари и другія церковно-богослужебныя пѣснопѣнія, относящіяся къ евангельскимъ событіямъ, точно такъ же, какъ и въ I классѣ выучить нѣсколько псалмовъ, десятка два притчей и другихъ изреченій напр. изъ книгъ Сираха, Товита и др. Къ сожалѣнію, далеко не всѣмъ и не вездѣ обстоятельства благопріятствуютъ такому доброму началу дѣла, а въ дальнѣйшихъ классахъ, когда уже ослабѣваетъ эта дѣтская воспріимчивость ко всему церковному, препятствія увеличиваются, и дѣло становится почти непоправимымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вглядимся въ дѣло нѣсколько ближе. За священной исторіей проходится ученіе о богослуженіи; но знакомитъ ли это ученіе съ богослуженіемъ? Не только тамъ, гдѣ при учебномъ заведеніи нѣтъ храма, а и тамъ, гдѣ таковой имѣется, дѣло это не всегда ведется практически: учениковъ не водятъ во время такихъ уроковъ въ храмъ для нагляднаго ознакомленія ихъ съ устройствомъ храма и его принадлежностей — утварью и богослужебными книгами, послѣднія даже не приносятся и въ классъ, такъ что воспитанники

знаютъ объ этихъ книгахъ только по учебникамъ — по даннымъ въ нихъ краткимъ и отвлеченнымъ опредѣленіямъ этихъ книгъ. И вотъ результатомъ этого является то, что наши свѣтскіе образованные люди объ этихъ книгахъ не имѣютъ никакого даже представленія, и не дивно, что они не только смѣшиваютъ минеи мѣсячные съ четьями минеями, а и въ такой книгѣ, какъ Псалтирь, которая и уставомъ церковнымъ указывается для постояннаго болѣе всѣхъ другихъ священныхъ книгъ пользованія и для предковъ нашихъ была учебною и настольною книгою, не умѣютъ отличить псалмовъ отъ церковныхъ молитвъ между каѳизмами и т. п. Даже изданные Святѣйшимъ Сѵнодомъ учебные Псалтирь, Часословъ, Октоихъ и другія не употребляются въ нашихъ среднихъ школахъ въ качествѣ учебныхъ пособій, и все практическое знакомство съ помѣщенными въ нихъ чинопослѣдованіями ограничивается тѣми случайными извлеченіями изъ нихъ, которыя даются въ нѣкоторыхъ учебникахъ. Въ самыхъ обильныхъ такими извлеченіями я, напримѣръ, не встрѣчалъ ни стихиръ на „Господи, воззвахъ“, ни тропарей канона, а то, что̀ помѣщено изъ богослужебныхъ книгъ, нерѣдко напечатано гражданскими буквами. Присоедините къ этому изученіе въ IV классѣ древнеславянскаго языка съ его юсами, и вы поймете это не только неумѣнье читать по церковно-славянски, а и нерасположеніе къ церковно-славянскимъ книгамъ, которое въ старшихъ классахъ является уже обычнымъ явленіемъ. Между тѣмъ какъ легко бы избѣжать всего этого, еслибы ознакомленіе съ богослуженіемъ православной Церкви велось практически въ указанномъ выше смыслѣ и учебные Часословъ и Октоихъ служили бы учебными руководствами наравнѣ съ такъ называемыми „ученіями о богослуженіи“. Книжки этого послѣдняго рода должны лишь помогать въ объясненіи смысла и значенія церковныхъ обрядовъ и пѣснопѣній, а первыя — непосредственно знакомить съ самымъ содержаніемъ богослуженія, что̀ должно быть на первомъ планѣ въ этомъ дѣлѣ. Для этой же цѣли активное участіе воспитанниковъ въ богослуженіи чрезъ пѣніе, чтеніе и прислуживаніе въ алтарѣ должно быть признано обязательнымъ не только для пансіонеровъ, а и для приходящихъ.

Точно то же должно сказать и вообще о святоотеческой письменности, которой наше свѣтское образованное общество не знаетъ, потому что не ознакомлено съ ней въ школѣ. Но при настоящемъ порядкѣ вещей для этого ознакомленія нѣтъ благопріятствующихъ условій. Въ самомъ дѣлѣ, церковная исторія проходится въ VI классѣ

при двухъ урокахъ въ недѣлю, при которыхъ едва возможно прочесть въ классѣ лишь нѣсколько самыхъ краткихъ отрывковъ изъ святоотеческихъ твореній, а такимъ путемъ можно ли не только познакомить воспитанниковъ съ святоотеческой письменностію вообще, а и заставить ихъ полюбить ее? Едва ли; не говоримъ уже о томъ, что въ школѣ часто и не по чему познакомить-то. Другое дѣло, если бы церковная исторія проходилась въ III классѣ, а VI или, лучше, VII классъ можно было бы посвятить на патристику. Тогда въ III классѣ, когда у воспитанниковъ не охладѣла еще любовь къ Церкви и не произошло еще отвычки отъ церковно-славянскаго чтенія, очень удобно было бы каждаго воспитанника заставить прочитать по четьямъ-минеямъ св. Димитрія Ростовскаго житіе его ангела или какое-либо другое, конечно, по-славянски[1]), если къ этому присоединить еще хотя бы одно житіе, прочитанное въ классѣ подъ руководствомъ наставника, то можно было бы быть увѣреннымъ, что въ дѣтской душѣ заронилась бы искра того добраго расположенія къ четьи минейному чтенію, которое такъ отличаетъ нашъ простой народъ. А въ VII классѣ при двухнедѣльныхъ урокахъ патристики довольно было бы времени для полнаго знакомства съ святоотеческой письменностію, чѣмъ какое возможно теперь; отчего бы для этой же цѣли не завести обычая приватнаго прочтенія каждымъ воспитанникомъ въ теченіе этого года твореній одного какого-либо св. отца въ болѣе или менѣе полномъ видѣ?...

Повидимому, въ лучшемъ положеніи обстоитъ дѣло по отношенію къ Библіи. Съ содержаніемъ Библіи наши дѣти знакомятся съ первыхъ же классовъ по такъ называемымъ священнымъ исторіямъ Ветхаго и Новаго Завѣта: въ катихизисѣ и особенно въ дополненномъ его видѣ сообщаются имъ краткія исагогическія свѣдѣнія о библейскихъ книгахъ, и дается масса текстовъ изъ этихъ книгъ; кромѣ того, въ послѣднее время въ гимназическій курсъ Закона Божія введено классное чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ Библіи. Но достигается ли всѣмъ этимъ то, что̀ именно должно быть признано желательнымъ? Горькій опытъ говоритъ, что далеко нѣтъ. И это отчасти понятно. Въ самомъ дѣлѣ, изученіе священной исторіи

---

[1]) Мѣра эта, теперь почти совсѣмъ не практикующаяся, несомнѣнно, должна имѣть громадное не только нравственное, а и религіозно-воспитательное значеніе въ строго православномъ духѣ. Тогда, можетъ-быть, мало-по-малу исправится то протестантствующее отношеніе къ носимымъ нами именамъ и празднованію дня рожденія вмѣсто дня ангела, которое дошло теперь до крайнихъ границъ.

такъ ли знакомитъ дѣтей съ Библіей, какъ слѣдовало? Прежде всего, если въ нѣкоторыхъ учебникахъ (далеко не всѣхъ) подъ названіями отдѣльныхъ разсказовъ и подставляются цитаты, указывающіе тѣ священныя книги, изъ которыхъ взяты эти разсказы, то они, даже при наглядной провѣркѣ ихъ по самой Библіи въ классѣ, остаются для дѣтей 1-го класса нѣмыми, ничего не говорящими цифрами и потому особенно, что названія эти печатаются въ такомъ сокращенномъ видѣ, что незнакомые еще съ ними въ ихъ полномъ видѣ, обыкновенно, не умѣютъ и прочитать ихъ. Далѣе и то, къ глубокому сожалѣнію, нужно сказать, что наши учебники по священной исторіи Ветхаго Завѣта берутъ свое содержаніе только почти изъ историческихъ отдѣловъ ветхозавѣтной Библіи, не рѣдко даже не поименовывая другихъ: напримѣръ не во всѣхъ исторіяхъ называются даже книги, написанныя Соломономъ; о многихъ пророкахъ, кромѣ Іоны со всѣмъ не упоминается, точно такъ же, какъ и о книгахъ Премудрости Соломона и Сираха и другихъ неканоническихъ книгахъ. Эти послѣднія опускаются даже и въ пространномъ катихизисѣ; да и остальныя-то приведенныя въ немъ наименованія священныхъ книгъ много ли говорятъ дѣтямъ объ ихъ содержаніи? — Что касается библейскихъ текстовъ, въ обиліи приводимыхъ въ катихизисѣ, нужно сказать, что вслѣдствіе неразвитого въ дѣтяхъ ко времени заучиванія этихъ текстовъ вкуса къ славянскому чтенію, вслѣдствіе чрезмѣрной отрывочности этихъ текстовъ, вошедшее въ употребленіе заучиваніе ихъ безъ обязательнаго раскрытія помѣщаемыхъ при нихъ цитатъ не только не знакомитъ дѣтей съ Библіей, а и возбуждаетъ въ нихъ недоброе расположеніе къ ней. Остается одно лишь классное чтеніе избранныхъ мѣстъ изъ Библіи, введенное въ гимназіяхъ въ послѣднее время; но и оно такъ ли поставлено, чтобы отъ него можно было ожидать добрыхъ плодовъ? Уже то одно, что оно не имѣетъ для себя точно опредѣленнаго мѣста въ учебномъ курсѣ и является чѣмъ-то въ родѣ сверхдолжныхъ римско-католическихъ дѣлъ, безъ которыхъ можно все-таки обойтись, не можетъ возбуждать особеннаго усердія къ нему; главное же, что дѣлаетъ почти безплоднымъ и это доброе мѣропріятіе высшей власти, заключается въ отсутствіи при этомъ чтеніи точныхъ исагогическихъ свѣдѣній. Какъ бы ни были прекрасны классныя объясненія наставника, они если и запоминаются, то скоро же и забываются. Отъ всего этого и выходитъ то, что наши свѣтскіе образованные люди и даже юноши такъ легковѣрно внимаютъ услужливымъ рѣчамъ невѣрующихъ объ искаженіи первоначальнаго библейскаго текста церковниками, о

вставкахъ, передѣлкахъ, перестановкахъ и т. п. и, загипнотизированные мнимой научностію этихъ рѣчей, такъ легко поддаются ихъ антихристіанскимъ и антирелигіознымъ ученіямъ. Для того, чтобы ознакомленіе воспитанниковъ средней свѣтской школы съ Библіей было болѣе живымъ, полнымъ и обстоятельнымъ, нужно, по нашему мнѣнію: 1) священную исторію Ветхаго Завѣта, необходимую въ первомъ классѣ, измѣнить въ ея содержаніи и способѣ изложенія соотвѣтственно выше указаннымъ замѣчаніямъ. Пусть лучше опущены будутъ нѣкоторыя историческія подробности о внѣшней жизни царей и другихъ лицъ, лишь бы внесены были понятныя для дѣтей указанія на отношенія помѣщаемыхъ разсказовъ къ библейскимъ книгамъ и даны были извлеченія изъ книгъ учительныхъ и пророческихъ. 2) Священная исторія Новаго Завѣта должна быть проходима неотмѣнно съ Евангеліемъ въ рукахъ, чтобы ученики могли постоянно сличать разсказы о тѣхъ или иныхъ событіяхъ по разнымъ Евангеліямъ и важнѣйшія изъ бесѣдъ Господа заучивать по евангельскому тексту. 3) Чрезмѣрно краткія и неясныя исагогическія свѣдѣнія о Библіи, данныя въ катихизисѣ, должны быть распространены и систематизированы болѣе или менѣе обстоятельно, какъ о всей Библіи вообще въ ея цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ ея книгахъ. Нужно помнить, что въ этомъ пунктѣ христіанскаго вѣроученія коренится одно изъ существенныхъ отличій нашего православія отъ протестантства и всякаго раціонализма; не даромъ въ духовныхъ школахъ по этому предмету имѣется даже особая каѳедра. 4) Классное чтеніе избранныхъ мѣстъ Библіи должно быть строго упорядочено и, разумѣется, расширено, и это всего удобнѣе сдѣлать чрезъ назначеніе для этого не только опредѣленныхъ часовъ, а и классовъ. Если оставивъ въ I и II классахъ священную исторію, въ III классѣ ввести упрощенный курсъ церковной исторіи, въ IV классѣ съ увеличеніемъ числа уроковъ — ученіе о богослуженіи, — то V и VI классы можно употребить на систематическое изученіе Библіи, которое должно состоять въ ознакомленіи съ ея содержаніемъ по самому библейскому тексту съ предварительными исагогическими свѣдѣніями, VI — на патристику и VIII — заключительный — на систематическое повтореніе всѣхъ пройденныхъ отдѣловъ въ формѣ катихизиза или богословія.

Таковы, по нашему мнѣнію, мѣры, которыя должны поднять уровень религіозно-нравственнаго образованія, понимаемаго пока въ смыслѣ обученія въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ,

сдѣлавъ его изъ поверхностнаго и безжизненнаго прочнымъ и устойчивымъ. Этими мѣрами достигнуто будетъ прежде всего то, что между знаніями, сообщаемыми воспитанникамъ на урокахъ Закона Божія и на остальныхъ урокахъ не будетъ того взаимнаго противорѣчія, которое, къ сожалѣнію, встрѣчается иногда теперь и тѣмъ умаляетъ авторитетно-руководственное значеніе Закона Божія въ глазахъ самихъ воспитанниковъ. Какъ скоро сообщаемыя воспитанникамъ свѣдѣнія, естественно-научныя, словесныя и историческія, согласованы будутъ въ своихъ основоположеніяхъ съ ученіемъ христіанской вѣры и даже сближены, такъ сказать, съ нимъ въ извѣстномъ отношеніи въ самомъ содержаніи, само собою должно будетъ подняться въ глазахъ воспитанниковъ значеніе Закона Божія въ смыслѣ руководственнаго начала жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дана будетъ ясная, строго опредѣленная и, несомнѣнно, истинная точка опоры для оріентированія въ той массѣ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знаній, съ которой придется имъ встрѣтиться послѣ въ самостоятельной жизни и которая нерѣдко такъ сбиваетъ наше образованное общество съ праваго пути и увлекаетъ далеко отъ православно-русскихъ устоевъ жизни, даже „по ту сторону добра“. Самое знаніе вѣры Христовой будетъ не чѣмъ-то усвоеннымъ лишь изъ вторыхъ рукъ и, такъ сказать, по наслышкѣ, какимъ оно является теперь, дѣлая образованныхъ людей въ религіозномъ отношеніи невѣжественнѣе простолюдиновъ, а твердымъ и обстоятельнымъ, самостоятельно усвоеннымъ въ нѣкоторомъ отношеніи по первоисточникамъ. Словомъ, положенное въ основу всего класснаго преподаванія христіанское міровоззрѣніе разовьетъ, расширитъ и прояснитъ умственный кругозоръ нашей образовывающейся молодежи. А это уже не малое пріобрѣтеніе въ дѣлѣ образованія, ибо христіанское міропониманіе, укрѣпляя вѣру въ дѣтской душѣ, по самому существу ея скорѣе и сильнѣе, чѣмъ всякое иное знаніе, воздѣйствуетъ на сердце, очищая и облагораживая его, и на самую волю, возбуждая въ ней добрые навыки и желанія.

II.

Но все сказанное доселѣ лишь половина дѣла, и притомъ меньшая. Что бы мы ни говорили о величіи Христовой истины, какъ открытой намъ Самимъ Богомъ, и она одна не въ силахъ возродить духовно человѣка. Чтобы это положеніе не показалось парадоксальнымъ, припомнимъ, что когда возвѣщалъ эту истину Самъ источникъ и носитель этой истины — Христосъ Богъ нашъ, имѣла ли успѣхъ Его проповѣдь? Три съ половиной года неустанно со всею божественною

мудростію училъ Онъ этой истинѣ народъ и особливо избранныхъ Своихъ учениковъ, и что же? Много ли было увѣровавшихъ въ Него и послѣдовавшихъ за Нимъ? Не станемъ указывать на книжниковъ и фарисеевъ, которые видя не видѣли и слыша не разумѣли; ибо одебѣлѣло сердце людей сихъ; припомнимъ самихъ апостоловъ, которые съ усердіемъ внимали Ему, любили Его всѣмъ сердцемъ, ради Него оставили дома и семьи свои; усвоили ли они ученіе Христово въ его полнотѣ и истинѣ? Цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, съ которыми они обращались къ Господу не только наканунѣ Его страданій, а уже и по воскресеніи Его и даже въ самый день вознесенія, послѣ многодневнаго поученія ихъ однихъ тайнамъ царствія Божія, показываетъ, какъ неясно и даже превратно понимали они это ученіе (Мѳ. 16, 22; Іоан. 14, 5, 8; 16, 18; Дѣян. 1, 6 и др.). А объ ихъ нравственномъ безсиліи слѣдовать за Господомъ до готовности положить за Него душу свою лучше всего свидѣтельствуютъ тѣ же дни страданій и смерти Господа, когда одинъ изъ апостоловъ даже съ клятвою отрекся отъ Него и всѣ разбѣжались, а по воскресеніи Его скрылись въ одномъ домѣ, дверемъ заключеннымъ страха ради іудейска. Если такимъ образомъ идеально-божественное учительство Самого Господа Іисуса безъ нарочитой божественной силы Св. Духа въ душѣ человѣка, именуемой благодатію, не могло не только волю Его учениковъ и апостоловъ укрѣпить въ добрѣ, а и разумъ просвѣтить, то возможно ли требовать чего-либо бо́льшаго отъ нашего человѣчески несовершеннаго учительскаго дѣланія, и какъ жестоко и несправедливо поэтому то огульное обвиненіе въ неумѣньи учительствовать, въ отсутствіи „талантливости“, которое нерѣдко раздается въ либеральной кликѣ по адресу нашего духовенства?! Но возвратимся къ дѣлу.

Итакъ, на лицо тотъ фактъ, что безъ нарочитой божественной силы въ самомъ человѣкѣ никакое учительство не въ силахъ духовно перевоспитать его. И это вполнѣ понятно.

Сила первороднаго и личныхъ грѣховъ нашихъ въ томъ и состоитъ, что, дѣлая насъ повинными предъ Богомъ, они обезсиливаютъ нашу душу и дѣлаютъ насъ неспособными къ духовной жизни, какъ ясно до наглядности и живо изобразилъ это именно дѣйствіе грѣха въ насъ св. ап. Павелъ въ седьмой главѣ посланія къ Римлянамъ. Сказавъ, что законъ Божій святъ и духовенъ и выразивъ свою любовь къ нему, св. апостолъ продолжаетъ: *Добраго, котораго хочу, не дѣлаю* (19 ст.). *По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону*

ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти (22—24 ст.). И отличіе новозавѣтнаго ученія отъ ветхозавѣтнаго состоитъ не въ томъ только, что тамъ данъ законъ, а здѣсь — сама истина, а и въ томъ, что ветхозавѣтное откровеніе, научивъ даже людей избирать лучшее въ нравственномъ отношеніи (Рим. 2, 18) и даже возбудивъ любовь къ этому лучшему, не даетъ человѣку силъ исполнять это лучшее; въ этомъ-то безсиліи и состояло то немощное закона, которое пришелъ восполнить Христосъ. Изобразивъ безсиліе закона въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія человѣка, св. апостолъ говоритъ: *итакъ нѣтъ нынѣ никакого осужденія тѣмъ, которые во Христѣ Іисусѣ живутъ не по плоти, но по духу; потому что законъ духа жизни во Христѣ Іисусѣ освободилъ меня отъ закона грѣха и смерти. Какъ законъ ослабленный плотію былъ безсиленъ, то Богъ послалъ Сына Своего въ подобіи плоти грѣховной, въ жертву за грѣхъ и осудилъ грѣхъ во плоти, чтобы оправданіе закона исполнилось въ насъ, живущихъ не по плоти, но по духу* (Римл. 8, 1—4). По прямому смыслу этихъ словъ св. апостола, Единородный Сынъ Божій воплотился, страдалъ и умеръ за насъ, чтобы искупить насъ отъ этого тяготѣющаго на насъ грѣха и его ужасной смертоносной силы. Своими страданіями, смертью и воскресеніемъ совершивъ намъ спасеніе въ этомъ смыслѣ, Господь Іисусъ вознесся на небо и послалъ намъ отъ Бога Отца Духа Святого для нашего освященія — для усвоенія нами совершоннаго Христомъ спасенія, для вселенія въ насъ Христа Духомъ Святымъ.

И вотъ, облеченные этою силою свыше, тѣ же апостолы, которые въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ не могли усвоить себѣ Христова ученія и не въ силахъ были преодолѣть своего малодушія даже предъ мнимыми опасностями, въ одно мгновеніе, такъ сказать, преобразились такъ, что не только припомнили все, что̀ говорилъ имъ Господь, а смогли передать Его ученіе людямъ въ такой чистотѣ и высотѣ, что прошли, а можетъ-быть, пройдутъ и еще тысячелѣтія, а оставленная ими книга завѣта будетъ неизсякаемымъ источникомъ истины для всѣхъ людей до скончанія вѣка. Что же касается нравственнаго возрожденія апостоловъ, т.-е. укрѣпленія ихъ воли въ добрѣ, то наилучшимъ свидѣтельствомъ этого укрѣпленія служитъ самое ихъ апостольство, съ которымъ они обошли весь міръ, претерпѣли всевозможныя гоненія и безбоязненно шли на самую смерть за Господа своего. Эту-то полученную ими божественную силу Святого Духа и передали св. апостолы тому обществу вѣрующихъ въ Господа Іисуса Христа, которое, будучи при Господѣ

меньше всѣхъ сѣмянъ, выросло потомъ больше всѣхъ злаковъ и стало многовѣтвистымъ обнимающимъ собою весь міръ деревомъ, такъ что птицы небесныя прилетаютъ и укрываются въ вѣтвяхъ его (Мѳ. 13, 22). Это и есть созданная Христомъ св. Церковь Его. Она, — эта единая, святая, соборная и апостольская Церковь Христова, какъ *столпъ и утвержденіе истины* (Тим. 3, 15), и есть не только вѣрная хранительница и неложная учительница просвѣщающаго насъ Христова ученія, а и сокровищница возрождающей насъ благодати Св. Духа, такъ что, какъ говоритъ св. Кипріанъ, тотъ, кто не имѣетъ матерію Церкви, не можетъ имѣть и Бога Отцомъ („О единствѣ Церкви", въ „Хр. Чт." 1837 г. 1, 27—40).

Согласно съ ученіемъ св. ап. Павла (1 Кор. 12, 12—15), мы смотримъ на Церковь, какъ на живое тѣло Христово, въ которомъ каждый членъ постольку живъ, поскольку пребываетъ въ общеніи вѣры и любви съ другими членами Церкви и со Христомъ, какъ главою Церкви, какъ лозою, которой мы вѣтви (Іоан. 15, 1—6). Но какъ вѣтви живутъ не потому только, что внѣшне-механически соединены съ лозою, а потому, что сраслены съ нею — химически сроднены съ нею, питаются ея соками, которые текутъ отъ нея по волокнамъ вѣтвей же, такъ точно и въ живомъ тѣлѣ Христовомъ — св. Церкви Его мы члены ея можемъ усвоить себѣ Христово спасеніе — проводить въ собственную жизнь ученіе Его только тогда, когда, пребывая въ неразрывномъ внѣшнемъ общеніи съ членами Церкви, будемъ усвоять себѣ божественную благодать Святого Духа, ниспосланную Іисусомъ Христомъ отъ Бога Отца, которая, какъ живая и животворящая сила, должна проникать во всѣхъ насъ и во всѣ изгибы нашей жизни. Св. таинства и всѣ вообще обряды и уставы церковные, совершаемые пастырями Церкви — вотъ проводники этой благодати; непрерывное, чрезъ архіерейское рукоположеніе совершаемое преемство ихъ пастырства — вотъ основа ихъ пастырскаго служенія; неизмѣнная вѣрность преданію, хранимому въ соборныхъ вѣроопредѣленіяхъ и канонахъ и въ согласныхъ съ ними до внутренняго единства святоотеческихъ твореніяхъ и богослужебныхъ пѣснопѣніяхъ и установленіяхъ церковныхъ — вотъ существенный признакъ истинности ихъ пастырства; живая вѣра и любовь, и пастырей, и пасомыхъ — вотъ необходимое условіе животворной дѣйственности этой божественной силы для усвоенія спасенія, совершеннаго для насъ Іисусомъ Христомъ и Его св. ученіемъ, жизнію, смертію и воскресеніемъ. Едва ли возможно путемъ строго-логическаго анализа раздѣльно ясно представить себѣ дѣй-

ствіе этой силы въ различныхъ ея проявленіяхъ и отношеніяхъ, но если гдѣ, то именно здѣсь умѣстно припомнить святоотеческую аналогію, употребленную въ символѣ вѣры для объясненія ѵпостасныхъ отношеній Бога Сына къ Богу Отцу. Если мы сравнимъ Христа и Его спасительное дѣло со свѣтомъ, то дѣйствіе Духа Святого всего приличнѣе уподобить теплотѣ. Какъ въ видимой природѣ свѣтъ солнца является первоисточникомъ ея жизни, но лишь въ его неразрывномъ единеніи съ теплотою, такъ что какъ бы ни былъ ярокъ свѣтъ солнца зимою и какимъ бы чистымъ свѣтомъ ни одѣвалъ онъ покровъ земли, все же жизнь ея только тогда проявляется во всей ея силѣ и красѣ, когда потянетъ весеннее тепло. Точно такъ и въ духовной природѣ самый чистый свѣтъ ученія Христова, куда бы ни проникалъ онъ, и въ какомъ бы чистомъ видѣ ни являлъ людямъ все видимое и невидимое, безъ благодати Духа Святого, пребывающей въ Церкви, онъ безсиленъ духовно возродить не только видимое — міръ весь и тѣло человѣка, а и душу его — просвѣтить ея разумъ, очистить сердце и укрѣпить волю.

Вотъ почему въ истинно-христіанской школѣ весь учебно-воспитательный строй ея жизни должно не только согласовать съ ученіемъ христіанской Церкви, а и ставить его подъ покровъ и руководство св. Церкви, подчиняясь ея уставамъ, какъ материнскимъ завѣтамъ, и ограждаясь благодатными священнодѣйствіями Церкви, какъ нерушимой стѣной. Прекрасно выражена эта идея объ единеніи школы съ Церковью въ извѣстномъ изреченіи: воспитывайте дѣтей не внѣ Церкви и не рядомъ съ нею, а въ самой Церкви и вмѣстѣ съ нею. Невольно припоминаются при этомъ тѣ великіе вселенскіе учители Церкви, на которыхъ мы ссылались выше, какъ на поучительные образцы въ дѣлѣ изученія именно видимой природы въ духѣ Христовой вѣры, и которые „соединяли въ себѣ въ удивительномъ согласіи человѣческую мудрость еллинскую съ вѣчною мудростію божественной благодати“, святители Василій Великій, Григорій Богословъ, Тихонъ Задонскій и др. Кому не извѣстенъ трогательный разсказъ св. Василія Великаго о своей дружбѣ со св. Григоріемъ — о томъ, когда они въ дни юности своей знали лишь двѣ дороги — одну, которая вела въ школы грамматиковъ и риторовъ, а другую, которая вела въ храмъ Божій, гдѣ они освящали себя благодатною силою Божіею для уясненія себѣ и животворнаго усвоенія получаемыхъ ими въ школѣ истинъ! Когда, по окончаніи школьнаго образованія, они пожелали глубже и животворнѣе усвоить себѣ священное Писаніе, они и совсѣмъ удалились изъ дышавшаго языческой атмосферой общества — въ пустыни къ египетскимъ отшельникамъ, чтобы постомъ и молитвою по уставамъ церковнымъ освящать и укрѣплять свою душу[1]).

Вполнѣ вѣрны были этому святоотеческому завѣту и православные предки наши въ допетровскій періодъ своей исторіи. Церковность древнерусскаго воспитанія — фактъ общеизвѣстный и неоспоримый. Онъ сказался не только въ томъ, что учителями народными — проводниками въ народъ истиннаго просвѣщенія было духовенство, Псалтирь, Часословъ и другія священныя и церковно-богослужебныя книги были учебными книгами, а и въ томъ, что тогда не только храмы были при школахъ, а и самыя школы были при храмахъ, какъ ихъ преддверіе. Оттого-то и выходило, что весь укладъ народной не только семейной, а и государственно-общественной жизни запечатлѣнъ былъ характеромъ церковности. На все смотрѣлъ древнерусскій человѣкъ очами Церкви и ея ученіемъ все провѣрялъ, съ ея уставами и завѣтами соразмѣрялъ все, даже самое время. Не оттого ли и вышелъ онъ неуязвимымъ изъ всѣхъ самыхъ тяжкихъ испытаній и такимъ несокрушимымъ могущественнымъ исполиномъ? Ничѣмъ незамѣнимую и несокрушимую силу и мощь этого всеобъемлющаго и возрождающаго воздѣйствія православной Церкви на государственно-общественную жизнь этого народа прекрасно раскрылъ одинъ изъ великихъ русскихъ людей, К. П. Побѣдоносцевъ въ извѣстномъ своемъ открытомъ письмѣ президенту Швейцарскаго комитета евангелическаго союза Э. Навилю, въ отвѣтъ на адресъ этого комитета въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Александровичу относительно религіозной свободы въ Прибалтійскомъ краѣ. Церковно-приходскія школы народныя, возстановленныя въ своемъ древнерусскомъ характерѣ и значеніи — вотъ живое и наглядное выраженіе истинно-русскаго пониманія значенія православной Церкви въ школѣ и ея святомъ дѣлѣ.

Конечно, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, приложимъ ли этотъ церковный строй учебно-воспитательнаго дѣла церковно-приходскихъ школъ къ среднимъ и высшимъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, можно было бы сослаться на наши среднія и высшія духовно-учебныя заведенія — на наши семинаріи и академіи не только добраго стараго времени, а и послѣдняго; въ этихъ школахъ, лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ также начавшихъ было накло-

---

[1]) Подробное, по твореніямъ св. отцовъ, изложеніе ихъ ученія о воспитаніи см. въ книгѣ прот. Дернова: *Чтенія по Закону Божію.*

няться въ сторону отъ церковности, теперь снова она водворяется и замѣтно приводитъ къ благимъ результатамъ; но въ виду профессіональнаго, такъ сказать, назначенія этихъ школъ примѣръ можетъ показаться неубѣдительнымъ, а людямъ такъ называемаго либеральнаго направленія, пожалуй, даже и ненавистнымъ. Поэтому, въ оправданіе мысли о возможности оцерковленія нашей свѣтской школы, сошлемся на примѣръ Англіи. „Англійская школа,— говоритъ въ одной изъ многочисленныхъ своихъ статей въ „Моск. Вѣдомостяхъ“ Вл. А. Грингмутъ (№ 51 и 69 за 1891 г.),— должна стать во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ для нашей школы, особенно потому, что она давно уже осуществила то тѣсное отношеніе школы съ Церковью, которое для насъ православныхъ еще болѣе необходимо, нежели для англійскихъ протестантовъ“. Вслѣдъ за этими словами г. Грингмутъ дѣлаетъ ссылку на англійскія сочиненія Edward Thring (Education and School. London 1884 и The Chassics), въ которыхъ трактуется о томъ, какъ въ англійскихъ школахъ практически ведется это религіозно-нравственное воспитаніе въ духѣ церковности. На основаніи этихъ-то именно сочиненій, равно какъ и другихъ однородныхъ съ ними по своему содержанію [1]), можно положительно утверждать, что религіозно-нравственное воспитаніе въ англійскихъ школахъ, не только среднихъ, а и высшихъ, ведется подъ непосредственнымъ и постояннымъ воздѣйствіемъ Церкви, которая является главнымъ руководительнымъ началомъ во всемъ строѣ учебно-воспитательной жизни школы. Церковность эта выражается въ томъ, что 1) при каждой школѣ есть особая капелла, въ которой совершаются ежедневныя молитвенныя богослуженія; 2) богослуженія эти состоятъ изъ чтенія псалмовъ и общаго пѣнія духовныхъ гимновъ; 3) въ праздники богослуженіе совершается съ большей торжественностію и троекратно; 4) за всѣми этими богослуженіями наравнѣ съ учениками обязаны присутствовать и учителя, и 5) директоръ школы — большею частію богословъ, имѣющій право церковной проповѣди. И вообще все то, что заповѣдуется Церковью относительно самаго внѣшняго поведенія христіанина, со всею неопустительною точно-

[1]) На русскомъ языкѣ можно найти достаточныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ статьѣ, напр., Будзько въ журн. „Вѣстникъ Воспитанія“ за 1890 г., кн. 1, „Мысли нѣмца объ англійской школѣ“. Въ этой статьѣ изложено содержаніе книги Раттенбургскаго субъ-ректора г. Райдта объ англійскихъ школахъ, которыя посѣтилъ онъ по порученію пріюта Бисмарка. См. также въ календарѣ лицея Цесаревича Николая за 1872—73 г. статью: „Ѳома Арнольдъ, директоръ англійской публичной школы въ Рогби“.

стію, какъ священная обязанность, исполняется въ жизни школы всѣми принадлежащими къ ней, и это служитъ, такимъ образомъ, какъ бы живою и наглядною иллюстраціей тѣхъ христіанскихъ истинъ, которыя преподаются на классныхъ урокахъ. То обстоятельство, что этотъ церковный строй жизни наравнѣ съ учениками признаютъ священно-обязательнымъ для себя и всѣ наставники и начальники заведенія, дѣлаетъ его не только наглядною и живою иллюстраціей классныхъ уроковъ Закона Божія и вообще, такъ сказать, теоретической стороны религіозно-нравственнаго воспитанія, а и авторитетно-убѣдительнымъ средствомъ къ проведенію тѣхъ истинъ и началъ въ самую жизнь учащихся, къ закрѣпленію ихъ въ этой жизни и сродненію воспитанниковъ съ этимъ строемъ жизни и въ мужествѣ и въ старости до самой смерти...

Есть ли что-либо подобное въ нашихъ, не только высшихъ, а и среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ? Стоитъ ли въ нихъ религіозно-нравственное воспитаніе подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководительствомъ Церкви? Вотъ вопросы, въ отвѣтѣ на которые и лежитъ, по нашему мнѣнію, центръ тяжести пожеланій и требованій, высказаныхъ Государемъ Императоромъ въ Его Высочайшемъ рескриптѣ г. министру народнаго просвѣщенія.

Вѣрно, что въ общемъ и съ формально-юридической стороны религіозно-нравственное образованіе (скорѣе, впрочемъ, въ значеніи лишь обученія, чѣмъ воспитанія въ собственномъ смыслѣ) въ нашихъ среднихъ и высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ находится подъ вѣдѣніемъ Церкви. Высшее духовное начальство имѣетъ полный контроль надъ этимъ образованіемъ: оно утверждаетъ программы по Закону Божію и разрѣшаетъ къ употребленію учебныя руководства и пособія; въ согласіи съ нимъ опредѣляется число уроковъ по Закону Божію и назначаются законоучители, которыми обязательно могутъ быть только духовныя лица; епархіальные архіереи наблюдаютъ за самымъ ходомъ религіозно-нравственнаго образованія въ учебныхъ заведеніяхъ ихъ епархіи чрезъ посѣщеніе ихъ для испытаній по Закону Божію. Но что все это, какъ не „внѣшнее decorum, которое лишь закрываетъ зіяющую рану“, какъ мѣтко выразился досточтимый о. предсѣдатель учебнаго комитета при Свят. Синодѣ прот. П. А. Смирновъ? Не станемъ говорить о программахъ и учебникахъ по Закону Божію, которые, правда, всецѣло относятся къ области вѣдѣнія духовной власти, но въ разсматриваемомъ нами отношеніи не имѣютъ существеннаго значенія; остановимся на слѣдующихъ изъ означенныхъ нами проявленій зависимости религіозно-

нравственнаго образованія въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ отъ духовной власти въ отношеніи ея къ свѣтскимъ начальникамъ. Развѣ для кого тайна, что отношеніе это фиктивное — по отношенію именно къ духовной власти? Сколько было, напримѣръ, даже въ прошедшемъ году послѣ нарочитаго слова Государя объ усиленіи религіозно-нравственнаго воспитанія, не только толковъ въ духовной печати, а и прямыхъ ходатайствъ объ увеличеніи числа уроковъ по Закону Божію, хотя бы на одинъ часъ во всемъ курсѣ, и... все напрасно! А мало ли бывало случаевъ, когда свѣтское начальство отказывалось принять указываемаго епархіальнымъ архіереемъ не только законоучителя, а и просто псаломщика или діакона для храма учебнаго заведенія? Не станемъ отрицать нравственнаго значенія для воспитанниковъ за архіерейскими экзаменами по Закону Божію; но вѣдь это капля въ морѣ, ибо епископы бываютъ на экзаменахъ далеко не всегда и то только въ выпускныхъ классахъ учебнаго заведенія и касаются одного лишь, такъ сказать, класснаго преподаванія Закона Божія, и то опять лишь въ предѣлахъ пройденнаго курса.

Если религіозно-нравственное образованіе юношества не должно ограничиваться однимъ лишь класснымъ преподаваніемъ Закона Божія, если и преподаваніе другихъ предметовъ должно быть въ согласіи съ христіанскимъ міропониманіемъ и если, наконецъ, епископъ есть именно епископъ не для законоучителя только, а и для всѣхъ другихъ учителей — разумѣется, православныхъ, призванныхъ къ тому же участвовать въ религіозно-нравственномъ воспитаніи ввѣреннаго имъ юношества; то почему онъ — епископъ не можетъ провѣрять и ихъ преподаваніе и вообще педагогическую дѣятельность школы съ религіозно-нравственной стороны, наблюдать за самымъ строемъ школьной жизни въ отношеніи, напр., къ богослуженію, молитвѣ и даже свѣтскимъ удовольствіямъ, допускаемымъ въ школѣ, и т. п.? Смѣло говоримъ, что если бы наши святители находили возможнымъ являться не на экзамены только въ выпускныхъ классахъ заведенія, а и на уроки, и не по Закону только Божію, а и по другимъ предметамъ и даже въ внѣурочное время въ тѣ учебныя заведенія, разумѣется, гдѣ есть пансіоны, и провѣрять вообще постановку религіозно-нравственнаго состоянія школы, то дѣло это сразу и существенно измѣнилось бы къ лучшему. Тогда не только поднялось бы положеніе Закона Божія, какъ предмета класснаго преподаванія и по существу дѣла и въ мнѣніи учащихъ и учащихся, а и вообще религіозно-нравственное воспи-

таніе, поскольку оно выходитъ за стѣны классовъ; тогда гг. начальники и наставники не стали бы смотрѣть на епархіальныхъ архіереевъ, какъ на постороннихъ для нихъ лицъ, которыя не имѣютъ къ нимъ никакого отношенія и которыя суть духовныя власти лишь однихъ оо. законоучителей. А теперь бываетъ и это и очень часто. И это вполнѣ понятно. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ: въ то время когда свѣтское начальство является имѣющимъ право выбора законоучителя для учебнаго заведенія и контроля надъ его дѣятельностію (чуть ли не до цензуры проповѣдей включительно), духовное начальство — въ данномъ случаѣ епархіальный архіерей не имѣетъ никакого голоса въ вопросѣ объ избраніи начальниковъ и воспитателей свѣтскихъ учебныхъ заведеній подвѣдомой ему епархіи со стороны ихъ религіозно-нравственной благонадежности, такъ существенно важной для такого святого дѣла, какъ воспитаніе! Непонятная непослѣдовательность! Оттого и выходитъ у насъ, что директоромъ православно-русскаго учебнаго заведенія, имѣющимъ главный надзоръ за религіозно-нравственнымъ состояніемъ воспитанниковъ, назначаются иногда католики или протестанты, а такъ называемые воспитатели — эти почти безгласные, хотя и ближайшіе руководители юношества въ поведеніи, преимущественно даже избираются изъ лицъ инославнаго исповѣданія. И этимъ именно лицамъ, которыя не только не знаютъ, а и не признаютъ ни иконъ, ни богослуженія православнаго, поручается наблюденіе за исполненіемъ воспитанниками и ихъ религіозныхъ обязанностей и даже въ храмѣ. Конечно, и здѣсь бываютъ счастливыя исключенія; но бываетъ и такъ, что въ то время когда дѣти за богослуженіемъ преклоняютъ колѣни и кладутъ поклоны, надзирающій за ними воспитатель стоитъ безучастнымъ зрителемъ...

Уже изъ сказаннаго съ основательностію можно заключать, что положеніе законоучителя въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ не особенно высоко, и дѣло религіозно-нравственнаго воспитанія юношества въ этихъ школахъ стоитъ не подъ непосредственнымъ руководительствомъ Церкви и ея служителей, не рѣдко даже и не рядомъ съ нею — не въ согласіи, а въ прямомъ разладѣ съ нею. Въ большинствѣ случаевъ законоучитель является лишь класснымъ преподавателемъ Закона Божія и не всегда даже принимаетъ участіе въ педагогическихъ совѣщаніяхъ училищнаго начальства съ правомъ голоса; особенно это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда законоучителемъ состоитъ приходскій священникъ, слѣдовательно, и живущій даже вдали отъ учебнаго заведенія. Въ такихъ случаяхъ,—

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

да и въ такихъ ли только? — гг. директора и инспектора, держа исключительно въ своихъ рукахъ воспитательную власть и дѣйствуя въ этомъ дѣлѣ чрезъ подчиненныхъ исключительно имъ надзирателей и воспитателей нерѣдко неправославныхъ, не считаютъ нужнымъ даже соглашаться съ мнѣніемъ законоучителя по тому или иному практическому вопросу религіозно-нравственнаго характера и значенія, буде таковое мнѣніе будетъ заявлено ревнующимъ о своемъ дѣлѣ законоучителемъ. Это касается преимущественно такъ въ послѣднее время распространенныхъ разнаго рода литературно-музыкальныхъ вечеровъ не только подъ воскресные, а и подъ другіе большіе праздники и даже постомъ. Бываетъ, что отъ законоучителя подобнаго рода рѣшенія скрываются намѣренно и ради нихъ даже требуютъ отмѣненія или сокращенія службы церковной.

Горькая все это правда, но вполнѣ понятная! Устроенныя во всемъ строѣ своей учебно-воспитательной жизни по западнымъ, нѣмецко-протестантскимъ образцамъ въ эпоху крайняго развитія въ Германіи невѣрующаго раціонализма, наши свѣтскія — и среднія и высшія — учебныя заведенія оттуда же взяли строй и религіозно-нравственнаго воспитанія.

По ученію протестантовъ, Іисусъ Христосъ есть нашъ Спаситель въ томъ смыслѣ, что Онъ принесъ наивысшее религіозно-нравственное ученіе, истинность котораго запечатлѣлъ Своею смертію; отсюда и спасающая человѣка вѣра его есть лишь увѣренность въ этомъ ученіи, какъ системѣ религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія. Если для этого спасенія, какъ не юридическаго только оправданія, а и дѣйствительнаго духовнаго возрожденія человѣка, и нужна божественная помощь, то она, конечно, будетъ подана Богомъ, какъ и обѣщана Имъ; но эта духовно-возрождающая человѣка божественная сила подается по вѣрѣ нуждающагося въ ней независимо отъ какихъ бы то ни было обрядовъ и священнодѣйствій, совершаемыхъ служителями Церкви. Эти обряды и священнодѣйствія если и имѣютъ какое-либо значеніе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія человѣка, то развѣ такое лишь, какъ и всякія другія нравственно-воспитательныя дѣйствія или примѣры. Отсюда для протестанта храмъ Божій съ его богослуженіемъ является училищемъ вѣры, лишь словомъ поученія и живымъ примѣромъ воздѣйствующимъ на духовно-нравственное развитіе человѣка, однороднымъ по существу со всякой школой и даже съ театромъ, а пасторъ есть лишь избранный самою общиною учитель вѣры — руководитель нравственной жизни, не имѣющій нарочитой благодати

священства отъ Христа и апостоловъ, идущей чрезъ рукоположеніе архіерейское и лишь въ себѣ самомъ — въ своей проповѣднической способности и, пожалуй, нравственной жизни, носящій залогъ своего пастырскаго достоинства.

Не ясно ли, какъ отразилось все это въ строѣ религіозно-нравственнаго воспитанія и образованія и въ нашихъ свѣтскихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ? Не отсюда ли именно и вышло, что у насъ — въ этихъ заведеніяхъ Законъ Божій есть не больше, какъ предметъ класснаго теоретическаго изученія христіанской вѣры, а законоучитель — лишь преподаватель этого предмета, имѣющій успѣхъ отъ своей „талантливости“? Не отсюда ли вышло и то, что не только законоучитель, какъ отдѣльное лицо въ составѣ учительской корпораціи, не признается компетентнымъ судьей въ дѣлѣ внѣкласснаго, такъ сказать, жизненно-практическаго духовно-нравственнаго воспитанія, а и сама Церковь съ ея священными канонами и уставами не имѣетъ руководственнаго значенія въ этомъ вопросѣ больше, чѣмъ разумъ человѣческій съ его научно-психологическими познаніями и художественно-эстетическими воззрѣніями? Не это ли протестантско-раціоналистическое вліяніе сказалось у насъ въ самой офиціальной постановкѣ строя духовной жизни нашей свѣтской школы, въ распредѣленіи, напримѣръ, учебныхъ и неучебныхъ — праздничныхъ дней, въ необязательности при учебномъ заведеніи храма и въ освобожденіи не только учащихъ, а и учащихся отъ неотложнаго исполненія ими положенныхъ Церковію разныхъ церковно-богослужебныхъ обрядовъ до вопроса объ ежегодной исповѣди и причастіи включительно? Не отсюда ли, напримѣръ, послѣдняго рода церковное требованіе не только не признается неотложно-обязательною мѣрою религіозно-нравственнаго воспитанія, а и прямо-таки обзывается „насиліемъ совѣсти“, противнымъ, будто бы, и ученію Христову, какъ понимаетъ его здравый смыслъ?... А на ряду съ этимъ отъ каждаго воспитателя неотложно требуется исполненіе всякихъ другихъ его обязанностей и идетъ проповѣдь объ обязательности всеобщаго обученія. Какая непонятная и несправедливая непослѣдовательность!...

Всѣ эти отмѣченные нами, равно какъ и другіе подобные факты и явленія вполнѣ понятны съ протестантски-раціоналистической точки зрѣнія; но какъ примирить ихъ съ нашимъ православнымъ ученіемъ о спасеніи, которое состоитъ не въ самодовлѣющемъ слѣдованіи за Христомъ своими собственными силами, а и въ самомъ слѣдованіи этомъ зависитъ отъ освящающей насъ благодати Хри-

стовой, подаваемой по вѣрѣ нашей въ Церкви православной? Какъ примирить эти факты и явленія съ нашимъ православнымъ ученіемъ о Церкви, не какъ училищѣ только вѣры и нравственности, а и сокровищницѣ благодати Св. Духа, подаваемой намъ въ таинствахъ и обрядахъ церковныхъ пастырями Церкви? Какъ примирить ихъ съ нашимъ ученіемъ о самихъ пастыряхъ Церкви, какъ строителяхъ таинъ Божіихъ, и храмахъ христіанскихъ, какъ мѣстѣ нашего освященія, — кораблѣ, спасающемъ насъ отъ потопленія въ морѣ житейскомъ?... Признаемся, что самое названіе церковнаго религіозно-нравственнаго образованія Закономъ Божіимъ, а пастырей Церкви — законоучителями, происходитъ отъ раціоналистически-протестантскаго пониманія дѣла, намъ кажется неточнымъ съ православной точки зрѣнія и для нашего православнаго уха страннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ вдуматься въ то безпримѣрное значеніе, какое имѣетъ храмъ съ его устройствомъ и принадлежностями богослуженія, равно какъ самое это богослуженіе въ православной церкви. Знаменательно въ этомъ отношеніи уже то, что мы, православные, въ обычномъ словоупотребленіи храмъ свой называемъ церковію, выражая этимъ ту мысль, что въ храмѣ собираются истинно-вѣрующіе во Христа не для общей молитвы только, не для вознесенія только ума и сердца вѣрующихъ къ Богу, а и для наученія въ истинахъ вѣры и благочестія преподаваемыхъ священнослужащими отъ лица и во имя Господа и для освященія себя въ совершаемыхъ тѣми священнослужащими таинствахъ и обрядахъ церковныхъ благодатію Святого Духа, для взаимообщенія въ вѣрѣ и любви чрезъ посредство того же священства со всѣми вѣрующими не только живыми, а и усопшими и святыми и ангелами. Такимъ образомъ наименованіемъ храма церковію мы живо, наглядно и полно выражаемъ и, такъ сказать, олицетворяемъ идею церкви Христовой въ самомъ ея существѣ и въ этомъ смыслѣ вообще — идею религіи, какъ союза человѣка съ Богомъ. И это вполнѣ понятно; истинная нравственность не можетъ быть безъ вѣры въ Бога, культъ же и есть то связующее ихъ между собою звено, которое служитъ, такъ сказать, центромъ религіи. Не поэтому ли иконопочитаніе утвержденное на седьмомъ вселенскомъ соборѣ, на Константинопольскомъ соборѣ 824 года наименовано было торжествомъ православія? Не даромъ именно богослуженіе въ константинопольскомъ храмѣ св. Софіи такъ плѣнило своимъ благолѣпіемъ пословъ св. князя Владимира, что имѣло рѣшающее значеніе въ вопросѣ о принятіи именно греческаго христіанства нашими предками.

Если таково значеніе православнаго храма и совершаемаго въ немъ богослуженія вообще въ духовной религіозно-нравственной жизни христіанина, то какое же неотмѣнно существенное значеніе долженъ имѣть онъ въ дѣлѣ воспитанія — въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія этой жизни въ дѣтяхъ! Поистинѣ, онъ долженъ быть, по прекрасному выраженію М. Н. Каткова, одушевленнымъ Духомъ Святымъ сердцемъ школы, душою ея. Въ строгомъ соотвѣтствіи съ такимъ воззрѣніемъ М. Н. на значеніе храма въ школѣ, въ основанномъ имъ лицеѣ храмъ устроенъ въ самой срединѣ зданія, такъ что его видно изъ всѣхъ классовъ и изъ всѣхъ пансіоновъ; къ нему, какъ къ центру, сходятся всѣ остальныя помѣщенія лицея, чтобы тѣмъ легче и удобнѣе было всѣмъ живущимъ въ лицеѣ всегда прибѣгать въ немъ съ молитвою къ Богу; иконостасъ, устроенный по образцамъ VIII в., дѣлаетъ алтарь открытымъ, чтобы дѣтямъ виднѣе было совершающееся въ немъ богослуженіе и они тѣмъ живѣе и сознательнѣе могли участвовать въ немъ своими душами. Не безъ значенія въ этомъ отношеніи самое посвященіе храма имени святителя Николая — ангела въ Бозѣ почившаго Цесаревича, и подборъ св. иконъ, изображающихъ имена тѣхъ угодниковъ, которые были небесными покровителями основателей лицея и другихъ дорогихъ для него лицъ. Достойно вниманія въ этомъ храмѣ и то, что вся почти богатѣйшая утварь его составилась изъ добровольныхъ приношеній оканчивающихъ курсъ лицеистовъ въ залогъ непрерывающагося духовнаго общенія ихъ съ лицеемъ. На молитвенную память объ усопшихъ дѣятеляхъ и ученикахъ лицея имена ихъ не только постоянно поминаются за богослуженіемъ, а и начертаны на особыхъ доскахъ на стѣнахъ храма. Такъ, храмъ лицея самымъ устройствомъ своимъ постоянно напоминаетъ дѣтямъ о духовномъ общеніи въ Богѣ со святыми Его, съ усопшими и живыми членами лицейской семьи.

Нѣтъ, конечно, нужды говорить о значеніи домоваго храма при учебномъ заведеніи для болѣе живого и нагляднаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе основательнаго класснаго преподаванія Закона Божія — именно ученія о богослуженіи; это очевидно само собою. Важнѣе этого то, что въ собственномъ храмѣ учебнаго заведенія воспитанники почти всѣ — одни чтеніемъ, другіе пѣніемъ, третьи прислуживаніемъ священнослужащимъ въ алтарѣ, иные возженіемъ свѣтильниковъ и т. п. могутъ участвовать въ богослуженіи не пассивными зрителями и слушателями его, а сознательно дѣйствующими и чрезъ это не только ближе знакомиться съ порядкомъ и строемъ бого-

служенія, а и свыкаться, сродняться съ нимъ, полюбить его; и нужно сознаться, что въ дѣйствительности такъ это и бываетъ. Искра этой любви заложена въ дѣтскомъ сердцѣ; стоитъ лишь поддержать и разогрѣть ее, довести ее до сознательнаго и разумнаго состоянія.

Но всѣмъ сказаннымъ нами доселѣ воспитательное въ религіозно-нравственномъ отношеніи значеніе храма съ его богослуженіемъ въ учебномъ заведеніи выясняется лишь съ одной, такъ сказать, психологической, субъективной стороны. А въ этомъ дѣлѣ есть и другая — болѣе существенная, такъ сказать, объективная сторона; ибо храмъ христіанскій есть не только домъ молитвы, а и домъ Божій въ собственномъ смыслѣ слова, и совершаемое въ немъ богослуженіе есть, какъ сказали мы, не обращеніе только человѣка къ Богу съ прошеніями, благодареніями и славословіями, а и отвѣтъ, такъ сказать, Бога на это обращеніе человѣка, заключающійся въ преподаніи намъ отъ Бога истины Его и благодати — въ чтеніи св. Писанія, пастырскихъ поученіяхъ, въ таинствахъ и обрядахъ. И нужно ли подробно говорить о томъ сокровищѣ духовномъ, которое неистощимымъ потокомъ можетъ изливаться изъ этого источника истины и благодати въ дѣтскую душу?

Въ одной изъ своихъ глубокихъ по мысли и строго-православныхъ по духу статей о христіанскомъ воспитаніи, М. Н. Катковъ сравнивалъ православную школу съ церковнымъ приходомъ. Какъ приходъ, — говорилъ онъ, — есть свободная духовная семья, живой духовный союзъ, члены котораго, объединяясь въ своемъ приходскомъ храмѣ, изъ него, именно — изъ совершаемаго въ немъ богослуженія, почерпая и просвѣщеніе разума, и очищеніе сердца, и укрѣпленіе воли, его благодатными священнодѣйствіями освящая весь укладъ своей даже бытовой жизни во всѣхъ ея изгибахъ и въ каждый ея моментъ; такъ точно должно быть и въ православной русской школѣ. Въ домовомъ храмѣ учебнаго заведенія должны совершаться всѣ тѣ службы церковныя, что и въ приходскомъ, и чтиться всѣ тѣ праздники и другія установленія Церкви, что и въ приходѣ"... Въ этомъ храмѣ должны совершаться не только всенощныя и литургіи въ воскресные и праздничные дни, а и службы великопостныя, за которыми воспитанники должны приступать къ святымъ таинствамъ исповѣди и причастія; церковнымъ богослуженіемъ должны быть освящаемы не только храмовые праздники, а и другіе достопамятные для заведенія дни, равно и дни ангеловъ воспитанниковъ; церковными молитвословіями должны быть освящаемы

всѣ не только выдающіяся событія общегосударственной, общественной и школьной жизни, а и повседневный строй ея. Представьте себѣ любую изъ картинъ такой жизни. Вотъ, напр., время начать уроки; ученики всѣ собрались въ домовый храмъ заведенія для общей молитвы и усердно кладутъ поклоны, прося божественной помощи въ предстоящемъ трудѣ. Думаете ли вы, что ничего не дастъ этимъ дѣтямъ и ничѣмъ не отзовется въ ихъ робкихъ душахъ священническое благословеніе, которымъ закончилась молитва? Если даже такими окажутся лишь единицы изъ сотни предстоящихъ — и это развѣ уже не пріобрѣтеніе, о которомъ радость бываетъ великая на небеси?...

Не правда ли, какъ прекрасно все это? Но если отъ этихъ радужныхъ мечтаній о будущемъ мы обратимся къ настоящей дѣйствительности и заглянемъ въ существующіе на лицо питомники грядущихъ поколѣній, въ огромномъ числѣ своемъ не имѣющіе своихъ храмовъ съ оо. законоучителями, которые не только учениковъ своихъ не могутъ питать отъ трапезы Господней, а и сами-то для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей ходятъ въ приходскіе храмы, если вдумаемся, какъ чрезъ изгнаніе изъ строя внутренней жизни этихъ православныхъ школъ уставно-церковнаго уклада его, воспитывающіяся въ нихъ дѣти мало-по-малу и незамѣтно, тѣмъ не менѣе прочно, сживаются съ своимъ положеніемъ — привыкаютъ обходиться безъ Христа и Его благодати, перестаютъ жить духовною жизнію и т. д. и т. д.: „зіяющая рана, прикрываемая настоящимъ внѣшнимъ декорумомъ", откроется со всѣми ея ужасами и тяжкимъ укоромъ совѣсти отзовется на сердцѣ.

Я почти увѣренъ, что эти рѣчи возбудятъ недовольство въ очень многихъ и вызовутъ цѣлый рядъ возраженій въ оправданіе и отстаиваніе настоящаго порядка вещей; нѣкоторыя изъ этихъ возраженій мнѣ уже приходилось слышать, и я считаю долгомъ отвѣтить на нихъ и тѣмъ раъяснить свои pia desideria въ ихъ практическомъ приложеніи къ дѣлу.

„Большинство нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, особенно построенныхъ давно, когда наплывъ учащихся не былъ такъ великъ, какъ теперь, такъ стѣснены, говорятъ, въ своихъ помѣщеніяхъ, что едва ли возможно найти въ нихъ приличное мѣсто для устройства храма; еще труднѣе изыскать средства для такого большого и многоцѣннаго дѣла". Такъ говорятъ нерѣдко сами начальники учебныхъ заведеній, не имѣющихъ своихъ храмовъ, и тѣмъ оправдываютъ свое уклончивое отношеніе къ неоднократнымъ напоминаніямъ объ этомъ

важномъ дѣлѣ со стороны высшей духовной власти; но говорятъ напрасно...

Въ каждомъ учебномъ заведеніи имѣющемъ, разумѣется, собственное помѣщеніе, существуютъ рекреаціонныя и актовыя залы, которыя съ удобствомъ могутъ быть приспособлены къ устройству храма. Для этого нѣтъ даже нужды превращать эти залы въ церковь и тѣмъ лишать школу особаго мѣста для экзаменовъ зрѣлости, актовъ, рекреаціоннаго времени и т. п.; вполнѣ достаточно, если къ такому залу съ восточной (приблизительно, разумѣется) стороны или пристроено будетъ, или присоединено чрезъ перестройку небольшое помѣщеніе для святого алтаря и солеи передъ нимъ, а въ стѣнѣ отдѣляющей это помѣщеніе отъ зала, продѣланы будутъ или арки или, еще лучше, сквозные пролеты, которые на внѣбогослужебное время могутъ быть закрываемы или какими-либо створчатыми перегородками, или даже завѣсами. Такимъ образомъ, актовое зало, не теряя своего обычнаго назначенія, во время богослуженія или молитвы будетъ мѣстомъ для предстоянія молящихся. Высказываемое нѣкоторыми соображеніе, что временное обращеніе актоваго зала въ мѣсто для церковной молитвы и такая непосредственная близость его къ храму, будетъ оскорбленіемъ святыни, въ нѣкоторомъ родѣ профанаціей ея и вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ къ ослабленію благоговѣйнаго отношенія дѣтей къ самой этой святынѣ, — соображеніе, такъ напоминающее собою мотивировку желѣзнодорожнаго иконоборства, при всей его фарисейской благовидности, лживо и несостоятельно. Въ основѣ его лежитъ невѣріе въ дѣйственное значеніе божественной благодати. Мы вѣруемъ и должны вѣровать что не зло — не грѣховное поведеніе дѣтей побѣдитъ собою — унизитъ и обезсилитъ добро — святыню благодати, а наоборотъ, и кто по собственному опыту не знаетъ, какъ одинъ видъ святой иконы съ теплящейся предъ ней лампадой и даже одно воспоминаніе о ней удерживали насъ иногда не только отъ дурныхъ дѣлъ и словъ, а и помышленій! Почему этого не можетъ быть и въ разсматриваемомъ нами случаѣ?

Этотъ указываемый нами способъ устроенія домового храма при учебномъ заведеніи, конечно, больше, чѣмъ вдвое, долженъ уменьшить расходъ на его внѣшнее, такъ сказать, устройство. Но еще меньше потребуется средствъ на внутреннее устройство храма — на иконостасъ и церковную утварь. При предполагаемомъ нами способѣ устроенія храма иконостасъ долженъ быть очень невеликъ, и нѣтъ никакихъ резоновъ ревновать объ его богатомъ убранствѣ, а утварь

церковная, на первое время лишь самая необходимая, можетъ и должна постепенно и постоянно пополняться чрезъ отмѣченныя нами выше ежегодныя приношенія оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ. Конечно, и при всемъ этомъ средства все же нужны, и не малыя; но если въ сельскихъ приходахъ, населенныхъ бѣднымъ крестьянствомъ, при усердіи къ Божьему храму прихожанъ его и лицъ, завѣдующихъ его хозяйствомъ, находятся средства для устройства обширныхъ сравнительно каменныхъ храмовъ, то можно ли думать, что такія средства не найдутся въ столицахъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ, обыкновенно, и находятся среднія учебныя заведенія и гдѣ, безъ сомнѣнія, гораздо больше, чѣмъ въ деревнѣ, лицъ состоятельныхъ и богатыхъ даже между тѣми, дѣти которыхъ обучаются въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ? Русскій человѣкъ, слава Богу, любитъ благотворить, и особенно на дѣло церковное; нужно лишь усердіе и забота со стороны тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ...

Еще несостоятельнѣе возраженія противъ самаго уставно-церковнаго строя внутренней жизни свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Главное возраженіе въ этомъ вопросѣ касается времени, которое потребуется при этомъ отнять отъ учебныхъ занятій. Сравнивая число учебныхъ дней въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ тѣмъ, какое полагается въ тѣхъ же опять нѣмецкихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, и какого будто бы на цѣлую четверть у насъ меньше, чѣмъ у нѣмцевъ, возражатели прямо-таки (искренно или неискренно — это ихъ дѣло) ужасъ выражаютъ при одномъ напоминаніи о церковномъ празднованіи въ учебныхъ заведеніяхъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дней, которые теперь считаются учебными, и о необходимости, слѣдовательно, еще и еще сократить и безъ того краткій учебный годъ. А такъ какъ съ постояннымъ развитіемъ науки естественно долженъ расширяться и учебный матеріалъ въ школьномъ курсѣ, то съ предлагаемымъ во имя оцерковленія школы сокращеніемъ учебныхъ дней еще болѣе должно будто бы увеличиться то переутомленіе, которымъ и теперь такъ страдаютъ наши дѣти, тѣмъ болѣе, что церковные праздники съ ихъ продолжительными богослуженіями вовсе не могутъ быть названы отдыхомъ...

Таково возраженіе, которое особенно часто приходится выслушивать ревнителямъ церковности школы. Поражаетъ оно съ перваго взгляда тѣми крайностями, которыя сходятся въ немъ, — тѣми взаимно исключающими себя противорѣчіями, съ которыми мирятся

возражатели во имя своего нерасположенія къ церковности. Съ одной стороны, возражатели скорбятъ о краткости учебнаго времени и, слѣдовательно, признаютъ чрезмѣрное обиліе свободнаго времени, съ другой — вопіютъ противъ переутомленія дѣтей и при этомъ указываютъ одну и ту же причину для этихъ взаимно исключающихъ себя явленій въ усиленіи церковности. Не обличаютъ ли они этимъ самымъ свою несостоятельность; ибо не можетъ же одна и та же причина производить совершенно противоположныя дѣйствія? Не ясно ли, что если эти явленія дѣйствительно существуютъ, то причина ихъ не въ церковности, а въ чемъ-то другомъ? Мы осмѣливаемся даже думать, что только или намѣренно закрывающіе свои глаза или ослѣпленные пристрастіемъ могутъ не видѣть, откуда происходятъ эти уживающіяся у насъ вмѣстѣ взаимно себя исключающія явленія.

Въ самомъ дѣлѣ, не удивительно ли, что возражатели противъ оцерковленія нашей средней школы въ духѣ православія, будучи поклонниками западнаго образованія раціоналистическаго направленія и его желая пересадить на русскую почву, не обращаютъ вниманія на то, что ни въ одномъ изъ западныхъ государствъ учебныя заведенія не имѣютъ такихъ долгихъ лѣтнихъ каникулъ, какія въ послѣднее время существуютъ у насъ. Вѣдь самый меньшій срокъ ихъ у насъ три мѣсяца, а въ предшествовавшіе годы для тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые имѣли право по своимъ успѣхамъ переходить въ слѣдующій классъ безъ экзаменовъ, каникулы эти продолжались четыре мѣсяца, т.-е. уже не четверть, а треть года. Въ оправданіе этого указывали и указываютъ на то, что май и іюнь мѣсяцы — это періодъ полнаго расцвѣта природы, пора тепла и даже жары, самая лучшая пора для отдыха и укрѣпленія физическихъ силъ дѣтей на лонѣ природы, и грѣшно было бы не только лишать ихъ этого, самой природой указываемаго срока для отдыха а, наоборотъ, въ это именно время мучить ихъ усиленными экзаменическими трудами въ душныхъ комнатахъ. Но отсюда слѣдуетъ не то, что эти мѣсяцы надлежитъ присоединить къ іюлю и августу считавшимся каникулярными и въ прежнее время, а лишь то, что или нужно замѣнить ими послѣдніе, т.-е. перенести каникулы съ іюля и августа, на май и іюнь, какъ это и есть на Западѣ, гдѣ іюль и августъ считаются учебными мѣсяцами, или наоборотъ. Соглашаемся, что май и іюнь — лучшіе мѣсяцы для укрѣпленія физическихъ силъ дѣтей на лонѣ природы при разумномъ, конечно, пользованіи ими посредствомъ разнаго рода игръ, прогулки и т. п.; но крѣпко стоимъ

за то, что старыя русскія каникулы въ іюлѣ и августѣ цѣлесообразнѣе и общедоступнѣе у насъ, чѣмъ въ маѣ и іюнѣ, потому что у насъ въ это именно время совершаются разныя полевыя работы, участіе въ которыхъ дѣтей можетъ служить лучшимъ укрѣпляющимъ ихъ физическія силы средствомъ. Отдѣляя въ этихъ соображеніяхъ для дѣтскихъ каникулъ іюль и августъ, наши дѣды и отцы не были равнодушными и къ майскимъ гуляньямъ, и потому въ старой духовной школѣ существовали такъ называемыя. майскія рекреаціи, которыя состояли въ томъ, что нѣкоторые будніе дни въ маѣ мѣсяцѣ опредѣлялись на полное гулянье дѣтей именно на лонѣ природы... Но оставимъ эти подробности.

Суть дѣла въ томъ, что лѣтнія каникулы должны быть неотмѣнно сокращены, по крайней мѣрѣ, на половину противъ настоящаго ихъ срока. Это возвращеніе къ старому у насъ, а на западѣ и настоящему, порядку вещей сразу должно измѣнить дѣло, т.-е. и учебное время увеличить и переутомленіе уничтожить. Безъ этого уменьшенія лѣтнихъ каникулъ не можетъ уничтожиться и настоящее пресловутое переутомленіе со всѣми его гибельными слѣдствіями и сопутниками, если мы дѣйствительно не хотимъ и не должны сокращать свои учебные курсы и чрезъ то понижать самое образованіе. Чтобы не распространяться много и въ то же время быть понятными и убѣдительными въ своей рѣчи, позволимъ себѣ употребить, можетъ-быть, не совсѣмъ красивое, но справедливое сравненіе воспитанія съ простымъ питаніемъ. Не нужно быть умнымъ врачомъ-спеціалистомъ, чтобы понять, что одна и та же по своимъ качествамъ и даже по количеству пища можетъ или укрѣплять нашъ организмъ, если будетъ принимаема нами въ нѣсколько равномѣрно по времени распредѣленныхъ пріемовъ, или ослаблять и разстраивать его, если будетъ принимаема за разъ полностію, безъ промежутковъ. Рабочая лошадь менѣе устанетъ и даже скорѣе, пожалуй, пройдетъ опредѣленное разстояніе, если будетъ совершать его съ равномѣрно распредѣленными передышками, чѣмъ если все потребное ей на эти отдыхи время скучено будетъ на одинъ срокъ. Примѣните эти простыя и общепонятныя, но вѣрныя разсужденія къ дѣлу образованія нашего юношества, и вы поймете, отчего при чрезмѣрномъ сравнительно съ прежнимъ удлиненіемъ вакаціальнаго времени наши дѣти чрезмѣрно же сравнительно съ этимъ прежнимъ временемъ переутомляются. Удлиненіе каникулъ при оставленіи того же учебнаго матеріала для учебнаго года, а вѣрнѣе при увеличеніи его, естественно, ведетъ за собой усиленіе занятій въ учеб-

ное время, а это, въ свою очередь, неизбѣжно влечетъ за собой усиленное истощеніе силъ учащихся, которое, прогрессируя, можетъ дойти до того, что не можетъ быть возстановлено никакими самыми длинными отдыхами. Совсѣмъ другое дѣло будетъ, если чрезъ увеличеніе учебнаго годового времени въ общемъ дана будетъ возможность уменьшить занятія въ каждый отдѣльный, такъ сказать, моментъ этого времени... Въ этомъ именно смыслѣ вѣрна старая народная пословица: тише ѣдешь, дальше будешь. Пояснимъ это на цифрахъ.

Въ настоящее время учебныхъ дней въ году приходится отъ 160 до 170, что при пятичасовыхъ урокахъ въ день дастъ 800—850 часовъ въ годъ. Если же мы сократимъ лѣтніе каникулы на 2 или даже на $1^1/_2$ мѣсяца, то за вычетомъ приходящихся на этотъ срокъ праздниковъ (6—8) къ настоящему учебному году прибавится еще 38 или 40 дней, т.-е. всего будетъ не меньше 200 учебныхъ дней. Если изъ этихъ 200 мы вычтемъ еще 8 или даже 10 дней на нѣкоторые церковные праздники, которые теперь считаются учебными днями, и въ данномъ случаѣ всѣхъ дней въ учебномъ году останется 192—190, т.-е. на 20—25 дней больше противъ настоящаго числа; а это, въ свою очередь, дастъ возможность, при сохраненіи тѣхъ же 800—850 учебныхъ часовъ въ годъ, уменьшить въ каждомъ днѣ одинъ часовой урокъ и, слѣдовательно, сократить занятіе ученика въ каждый день, по крайней мѣрѣ, на $1^1/_2$ часа. Присоедините къ этому и то, что при большемъ суточномъ отдыхѣ и при меньшемъ количествѣ уроковъ въ головѣ воспитанника меньше будетъ разнообразныхъ впечатлѣній, мыслей и т. д.

Изъ сказаннаго думается ясно, что это лучшій способъ къ ослабленію пресловутаго переутомленія нашихъ дѣтей. Но дѣло не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что чрезъ это дана будетъ возможность ввести въ школьную жизнь большую приноровленность ея къ уставу церковному, отсутствіе чего въ настоящее время даже прямо вредно въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ, напр., ученикъ выслушалъ въ классѣ на урокахъ Закона Божія и по книжкѣ усвоилъ ученіе православной Церкви о Великомъ постѣ и его богослуженіи — о литургіи преждеосвященныхъ даровъ, о покаянномъ канонѣ св. Андрея Критскаго и т. п. Наступила первая седмица этого поста; православные люди, преимущественно изъ неинтеллигентныхъ, откликаясь на унылый перезвонъ колоколовъ, спѣшатъ въ Божіи храмы къ меоимонамъ и другимъ службамъ церковнымъ, которыя такъ глубоко и дѣй-

ственно приготовляютъ душу человѣческую къ покаянію и достойному пріобщенію св. Христовыхъ таинъ, такъ что суббота первой седмицы является для этихъ говѣльщиковъ, поистинѣ, свѣтлымъ праздникомъ. Одни дѣти, обучающіяся въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, занятыя уроками, не могутъ поговѣть и приступить къ св. таинамъ на этой седмицѣ. Правда, они обязаны также исполнить этотъ христіанскій долгъ на Страстной недѣлѣ; но, пріѣхавъ домой изъ отпуска въ Вербное воскресенье, они, при той распутицѣ, какая бываетъ нерѣдко въ это время, елееле побываютъ на службахъ въ первые три дня этой недѣли съ тѣмъ, чтобы послѣ службы въ Великую среду исповѣдаться и въ четвергъ пріобщиться... Если даже предположимъ, что они всѣ первые три дня будутъ ходить въ церковь, и въ такомъ случаѣ эти службы не произведутъ въ нихъ того умиленно-покаяннаго чувства, какое само собою дается службами остальныхъ седмицъ Великаго поста, и особенно первой; какъ то ни странно, но то правда, что этому мѣшаетъ совершаемое на этихъ службахъ рядовое чтеніе всѣхъ четырехъ евангелистовъ. Послѣ $1^1/_2$ или 2-часового слушанія этого чтенія едва ли можно разсчитывать на внимательное выслушаніе литургіи преждеосвященныхъ даровъ. А канонъ святого Андрея такъ и остается для нихъ однимъ лишь именемъ пустымъ. Неужели же послѣ всего сказаннаго можно серіозно говорить, что прекращеніе или уменьшеніе классныхъ занятій на первой седмицѣ Великаго поста такой большой ущербъ принесетъ научнымъ занятіямъ, что можно искренно приходить отъ этого въ ужасъ? Не такъ давно одинъ изъ оо. законоучителей г. Москвы на страницахъ „Моск. Церк. Вѣдомостей“ разсказалъ, какъ въ одномъ изъ институтовъ удалось и говѣнье воспитанницъ устроить на 1-й седмицѣ съ слушаніемъ литургій преждеосвященныхъ даровъ и великаго канона и сохранить двѣ трети обычныхъ недѣльныхъ уроковъ. Опытъ очень удачный, но вѣдь онъ далеко не новый въ той же самой Москвѣ. Въ лицеѣ Цесаревича Николая вотъ уже двадцатый годъ, на первой седмицѣ Великаго поста въ первые четыре дня вмѣсто 3-го урока отъ 11 до 12 ч. и вмѣсто 6-го отъ 3 до 4 ч. ученики бываютъ за службами, выслушивая весь канонъ св. Андрея, часы съ вечернею и преждеосвященной обѣдней, а въ пятницу и субботу совсѣмъ освобождаются отъ учебныхъ занятій и, присутствуя за всѣми службами, приступаютъ къ таинствамъ покаянія и причащенія. Такимъ образомъ, всего на это св. дѣло тратится только три съ половиной полныхъ учебныхъ дня; а сколько духовной радости, духовнаго

опыта, духовной силы и крѣпости, сколько подъема духовныхъ силъ, и какою тѣсною глубокою духовною связью объединяются чрезъ это дѣти и между собою и съ своимъ духовнымъ отцемъ-законоучителемъ!

Еще примѣръ. Вотъ, можно сказать, всероссійскій праздникъ преп. Сергія Радонежскаго — этого небеснаго покровителя и печальника земли нашей, собирающій въ Божіи храмы самыхъ недосужныхъ тружениковъ; въ нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже московскихъ, уроки идутъ своимъ чередомъ и отъ занятій несвободны даже тѣ изъ учениковъ или учителей, которые носятъ имя этого святого... Кстати о празднованіи дня ангела. Подъ вліяніемъ, очевидно, все той же нѣмецко-протестантской школы у насъ въ интеллигентныхъ кругахъ стали совсѣмъ забывать этотъ исключительно православный обычай. Не только дѣти, а и отцы, очень часто не знаютъ ни житія своего ангела, ни тропаря ему и не считаютъ своею обязанностію праздновать день этотъ церковно. А вѣдь по ученію православной Церкви, какъ каждый храмъ посвящается имени того или иного святого, почитаемаго покровителемъ его, и день его памяти празднуется, какъ великій праздникъ, такъ точно и для каждаго изъ вѣрующихъ, которыхъ св. апостолъ называетъ храмами Божіими (1 Кор. 6, 19), день его ангела или того святого, имени котораго посвященъ онъ, какъ храмъ Божій, есть его, такъ сказать, храмовой праздникъ. Какъ же можетъ быть забываемъ или пренебрегаемъ въ церковномъ отношеніи этотъ день? А у насъ, напр., не считается неучебнымъ днемъ храмовой (хотя бы только главный) праздникъ той церкви, въ приходѣ которой находится учебное заведеніе, не имѣющее своего храма, даже больше — не считается, напр., праздникомъ 23-е ноября въ той школѣ, гдѣ есть храмъ во имя св. благовѣрнаго Александра Невскаго. А о родительскихъ субботахъ, или дняхъ поминовенія усопшихъ, каковыхъ дней у насъ можно считать три (суббота около 26 октября, предъ Сырной седмицей и Пятидесятницей), въ школѣ нѣтъ и помина; между тѣмъ какъ Сырная седмица, которая, по уставу церковному, есть приготовленіе къ Великому посту и въ среду и пятницу которой не не бываетъ даже литургіи и полагаются поклоны съ молитвой св. Ефрема Сирина, у насъ празднуется... Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ виновата не одна свѣтская, а и духовная школа и вся вообще наша жизнь.

Но довольно примѣровъ; тѣмъ болѣе, что ими почти и исчерпывается все то время, которое желательно было бы отнять отъ учебныхъ занятій для религіозно-нравственныхъ потребностей. Другими

словами, этого времени всего лишь 7—10 дней, или $^1/_4$ того излишка учебнаго годового срока противъ существующаго, какой образуется чрезъ сокращеніе лѣтнихъ каникулъ... Къ чему же, въ концѣ концовъ, сводится то возраженіе противъ усиленія церковности въ школѣ чрезъ введеніе новыхъ праздниковъ, которое съ такимъ паѳосомъ высказываютъ наши западничествующіе ревнители просвѣщенія во имя времени?

Такъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказываются вполнѣ несостоятельными самыя, повидимому, неопровержимыя возраженія противъ введенія церковной уставности въ строй жизни нашихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, по образцу или примѣру нашихъ народныхъ церковно-приходскихъ и духовныхъ школъ или даже англійскихъ, если нужны непремѣнно западные образцы, и нѣтъ нужды развивать эту мысль въ ея практическихъ подробностяхъ дальше. Начальникъ школы знакомый съ этой уставностію не книжно только, а и опытно и идущій рука объ руку въ дѣлѣ воспитанія съ преданнымъ своему дѣлу законоучителемъ всегда не только найдетъ, гдѣ, когда и въ чемъ должна быть проявлена эта церковность въ школьной жизни, а и сумѣетъ примѣнить ее безъ малѣйшаго ущерба образовательнымъ въ собственномъ смыслѣ слова задачамъ школы.

Согласны, что всѣ подобнаго рода мѣры могутъ не только остаться безплодными для дѣтей въ религіозно-нравственномъ отношеніи и прямо вредными, развивая въ нихъ лишь лицемѣріе и фарисейство, но это въ томъ лишь случаѣ, если всѣ эти мѣры мы будемъ считать обязательными для однихъ лишь дѣтей и учениковъ нашихъ, а не для самихъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ, если мы насильно будемъ заставлять исполнять тѣ или иные церковные уставы и обряды однихъ лишь дѣтей, а сами лишь свысока, начальнически будемъ надсматривать надъ ними, не подавая имъ въ этомъ отношеніи никакого добраго примѣра, а пожалуй, еще и наоборотъ. Если въ то время, какъ ученики будутъ присутствовать, напр., за всенощнымъ бдѣніемъ подъ великій праздникъ, а учителя, подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ вечеръ у нихъ единственный въ недѣлю, когда они могутъ просидѣть долго, потому что на утро могутъ спать долго, вмѣсто всенощной будутъ отдыхать дома, какъ будто малыя дѣти, присутствующія за службой, менѣе ихъ трудились по-своему, а они менѣе дѣтей нуждаются въ освящающей людей благодати Божіей; тогда подобными мѣрами мы разовьемъ въ дѣтяхъ не только лицемѣріе и фарисейство, а и еще хуже — кощунственное невѣріе.

Но зато тогда и причина этого будетъ лежать не въ самомъ этомъ воспитаніи, а въ личномъ отношеніи къ нему воспитателей и учителей. Они своимъ небрежнымъ и критически-недовѣрчивымъ отношеніемъ къ церковнымъ обрядамъ и установленіямъ будутъ виноваты въ томъ, что воспитанники будутъ относиться къ этимъ обрядамъ и установленіямъ *всуе*. Они — эти высокомудрствующіе педагоги и учители повинны будутъ въ томъ соблазнѣ малыхъ сихъ, за который, по слову Господа, мало потопить соблазнителя въ пучинѣ морской съ камнемъ на шеѣ (Мѳ. 18, 6). Но совсѣмъ другое дѣло, если въ исполненіи церковныхъ уставовъ и обрядовъ, наравнѣ съ дѣтьми, примутъ участіе и учители и воспитатели, если и эти послѣдніе отнесутся къ нимъ съ сознаніемъ важности ихъ, со всѣмъ возможнымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ... Тогда самое это благоговѣйно-внимательное отношеніе ихъ къ этимъ обрядамъ и уставамъ будетъ для воспитанниковъ авторитетнымъ подтвержденіемъ истинности и важности ихъ. Примѣръ народной школы Рачинскаго, въ которой все это практически-обрядовое религіозное ведется со всею аккуратностію, при живомъ участіи самихъ учителей, и производитъ самое благотворное вліяніе не только на настоящее школы, но и на людей, совершенно постороннихъ, лучше всякихъ разсужденій подтверждаетъ истинность сдѣланнаго нами заключенія. Но онъ же объясняетъ намъ и то, какъ устроить это святое дѣло...

Заключая свою рѣчь о нравственно-воспитательномъ характерѣ и направленіи образованія въ свѣтскихъ среднихъ школахъ, мы, конечно, не думаемъ, что сказали все, что, по нашему мнѣнію, необходимо для постановки дѣла на желанную высоту. Дѣло это слишкомъ велико и сложно для того, чтобы можно было очертить его со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ въ одной рѣчи; наша же рѣчь представляетъ собою лишь слабые наброски, лишь контуръ картины. Мы далеки отъ мысли и о томъ, что указанныя и намѣченныя наши мѣры сейчасъ же могутъ быть приложены къ дѣлу, къ жизни, полностію, во всей ихъ силѣ; жизнь той школы, о которой у насъ рѣчь, во всѣхъ почти изгибахъ своихъ связана самыми неразрывными узами съ семейной и общественной жизнью той среды, къ которой принадлежатъ питомцы ея по своему составу; а среда эта и сама не меньше, если еще не больше, чѣмъ школа, ушла въ строѣ и направленіи своей жизни отъ тѣхъ православно-русскихъ устоевъ, которыми создалось все величіе нашей родины. Пусть слово

наше не всѣми принято будетъ къ свѣдѣнію и исполненію даже въ тѣхъ его частяхъ, практическая примѣнимость которыхъ и при наличныхъ условіяхъ школы очевидна и несомнѣнна, и вызоветъ возраженія со стороны тѣхъ, кому близки и дороги духовные интересы подрастающаго поколѣнія. И это уже будетъ шагъ впередъ въ томъ великомъ дѣлѣ, къ которому зоветъ насъ Царь нашъ.

Цѣна 30 к., съ пересылкой 35 к.

Въ редакціи журнала

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

можно получать (продаются и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга) слѣдующія произведенія о. Соловьева:

1) **О книгѣ пророка Іоны.** Опытъ исагогико-экзегетическаго изслѣдованія. Москва 1884. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 50 к.

2) ***Διδαχη των δωδεκα Αποστολων.*** Греческій текстъ, съ рускимъ переводомъ, введеніемъ и объяснительными примѣчаніями. Москва 1886. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

3) **О. протоіерей І. Гр. Наумовичъ.** Очеркъ духовно-просвѣтительной дѣятельности о. Наумовича, съ приложеніемъ портрета его. Москва 1892 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

4) **Истинная Церковь Христова.** Москва 1888 г. Ц. 15 к., съ пер. 20 коп.

5) **Слово надъ гробомъ Михаила Никифоровича Каткова.** Москва 1887 г. Цѣна 10 к., съ пер. 15 к.

6) **О богодухновенности Библіи и нашемъ достодолжномъ отношеніи къ ней.** Москва 1893 г. Цѣна 10 коп., съ пер. 15 к.

7) **Св. Василія Великаго, архіепископа Кесаріекаппадокійскаго, наставленіе юношамъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями.** (Въ русскомъ переводѣ съ краткими свѣдѣніями о жизни св. Василія Великаго и твореніяхъ его.) Москва 1895 г. Цѣна 10 коп., съ пер. 15 к.

8) **Краткое пособіе къ доброму пользованію святцами, или мѣсяцѣсловомъ православной Церкви.** Москва 1897 г. Цѣна 20 к., съ пер. 25 к. Изд. 2-е.

9) **Пособіе къ доброму чтенію святой Библіи.** Изд. второе. С.-Петербургъ 1898 г. 548+XVII страницъ. Цѣна съ пер. 2 р. 50 коп.

10) **Памятная книжка православнаго христіанина о святой Библіи.** Изд. 2-е. Ученымъ Ком. М. Н. Пр. *одобрена* для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки всѣхъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сѵнодѣ *одобрена* для библіотекъ духовныхъ мужскихъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ. 1898. Цѣна 30 коп., съ пер. 35 к.

11) **Посланіе Святѣйшаго Сѵнода о графѣ Львѣ Толстомъ** (Опытъ разъясненія его смысла и значенія по поводу толковъ объ немъ въ образованномъ обществѣ). Изданіе второе дополненное. Москва 1901 г. Стр. 40. Ц. 25 коп., съ пер. 30 коп.

12) **С. В. Рождественскій,** Пушкинъ. Черты внутренняго облика. Москва 1899 г. Ц. 25 к.

13) — А. Н. Майковъ. Москва 1897 г. Ц. 25.

Бесѣда 18/XII 30